

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН
ТИМ ВОЛКОВ

2

МАСТЕР АРХИВОВ

ТИМ ВОЛКОВ

Мастер архивов. Том 2

«Автор»

«Автор»

2026

Волков Т.

Мастер архивов. Том 2 / Т. Волков — «Автор», «Автор», 2026

Я был решалой - посредником в спорах и проблемах больших людей. Пока однажды... нет, не умер. Загадочная сущность перенесла мой разум в тело помощника архивариуса, в иной мир, который похож на наш. Похож... Ну если не считать, что здесь до сих пор Российская империя и тут есть магия. А еще тут есть монстры, лезущие из разрывов реальности и желающие меня сожрать. Да и сам Архив, где я работаю, не простой. Чтобы вернуться домой я разгадаю его тайны. Пусть даже если на моем пути встанет... стоп, а это еще что?!

© Волков Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мастер архивов. Том 2

Глава 1

Все просто. И предрешено. И вмешательство высшего сознания — Бога или иных неведомых сил, — не предусмотрено.

Палец жмет на спусковой крючок.

Крючок поддается, щёлкает, как костяшка домино, запуская необратимую цепь событий. Сжимается пружина. Ударник врежется в капсюль — злой короткий бросок. Вспыхивает искра — крошечное солнце на долю мгновения.

Магическая субстанция вспыхивает. Взрыв. И пуля стремительно летит вперёд, чтобы поставить точку в моей жизни.

Все просто. И предрешено.

Если конечно вмешательство высшего сознания — Бога или иных неведомых сил, — не предусмотрено.

— ЧТОБ ТЕБЯ ЧЕРТИ ДРАЛИ, ПАДАЛЬ ТЫ КРЫСИНАЯ! ГЛАЗА ВЫКОЛЮ И В ГРЯЗЬ ВТОПЧУ!

Крик раздался откуда-то сверху, словно с самих небес.

— УБЛЮДОК, А НУ ИДИ СЮДА, КУСОК СОБАЧИЙ!

Арчи?.. Арчи! Материализовал Мрака, который сейчас и транслировал его слова, громяхая на всю округу!

Босх явно не ожидал такого поворота событий. Оглянулся, увидел Мрака, растерялся.

Но растерянность длилась не дольше четверти секунды.

Выстрел он всё же произошёл, однако рука Босха дрогнула. Пуля просвистела в сантиметре от моего уха.

Но к этому времени я уже прыгнул вперед.

Ближний бой — мой шанс.

Лицо Босха исказилось яростью. Он не стал перезаряжать устройство — понял, что не успеет. Отшвырнул оружие и вскинул правую руку ладонью вперед. На его пальце блеснуло кольцо с тёмным камнем.

Воздух перед ним сгустился в полупрозрачный щит, а из щита, будто отражённые, вылетели один за одним три острых как бритва клинка.

Я уже был в движении и не смог остановиться. Вместо этого нырнул под один из летящих клинков, почувствовал, как тот задел плечо. Внутри всё сжалось, и тот самый голод — дар, проснулся мгновенно, будто его и не успокаивали.

Уворачиваться от центрального клинка не стал. Вместо этого встретил его раскрытой ладонью.

Ощущение было как от удара тяжёлым молотом. Холод, острота, чужая воля — всё это врезалось в ладонь, но не проткнуло её. Мой дар впился в магическую конструкцию, разрывая её ткань, пожирая силу, вложенную в неё кольцом Босха. Клинок затрепетал, рассыпался на чёрные осколки и исчез, втянутый в мою кожу. По руке пробежали ледяные мурашки.

Босх ахнул, отшатнулся. В его глазах мелькнуло то же непонимание, что было у Лыткина.

— Так вот ты какое насекомое... — прошипел он.

И рванул прямо на меня. Сразу стало понятно, что Босх был не просто чиновником — движения резкие, точные, тело подготовлено. Он явно держал себя в форме и имел за плечами хорошую школу единоборств. Видимо, годы карьеры в мире, где магия сосуществует с опасностью плечом к плечу, научили его рукопашному бою.

Короткий, жёсткий апперкот в солнечное сплетение я парировал предплечьем, но сила была такова, что кости занули. Второй выпад противника — ребром ладони в горло — я едва успел отклонить, получив скользящий удар по ключице. Вспышка боли заставила отступить.

— Доигрался, идиот! — прорычал Босх, заходя на серию быстрых ударов.

Я отступил, блокируя что смог, пропуская часть. Но сильно отходить нельзя — Босх вновь воспользуется магическим кольцом.

Удар. Блок. Выпад.

Я пропустил очередной удар в корпус. Воздух вырвался из лёгких с хрипом, но в этот миг я поймал его запястье. Рывок. Босх потерял на мгновение равновесие.

Дар среагировал сам. Он учуял его внутренний резерв, биополе, ту самую жизненную силу, которую подпитывала и усиливая магия в этом мире. Я начал тянуть из него жизнь. Так же, как и из «крокодила».

Босх взвыл. Не от боли, а от ужасающего, противоестественного ощущения опустошения. Его кожа под моей хваткой мгновенно побледнела, стала серой, морщинистой, рука обвисла.

— Отпусти! — закричал он, дергаясь, и со всей силы ткнул меня пальцами свободной руки в глаз.

Я отпрянул, ослабив хватку. Глаз заслезился, но я увидел, как Босх, шатаясь, отскакивает прочь, с ужасом разглядывая свою сморщенную, будто состарившуюся на десятилетия кисть. Дар сработал, но не до конца — я лишь коснулся его источника.

— Тебе конец! — прохрипел Босх и вытащил из-за пазухи маленький обсидиановый треугольник — ещё один артефакт. — Конец!

Он сжал треугольник, и тот вспыхнул алым.

— С огнём играешь! И доигрался!

Он швырнул артефакт под ноги. Тот, не долетев до поверхности пару сантиметров, завис в воздухе. И издал пронзительный писк. Я тут же почувствовал, как мой дар, только что жадно впитывавший энергию, дёрнулся и замолчал, словно его оглушили. Понял — артефакт Босха подавлял магическую активность. Мою, чужую — любую.

Босх, пользуясь моментом, пока я был дезориентирован, рванул вперёд. В его здоровой руке блеснул нож.

Я едва успел отклониться, чувствуя, как лезвие прочертило тонкую линию по ребрам. Боль. Но словно и этого мне оказалось мало. Вновь проснулся дар, но отозвался совсем иными ощущениями — глубокой, тошнотворной усталостью и холодом. Откат! Расплата за частую и жадную активацию — тело и разум, не приспособленные к такой работе, запротестовали. В висках застучало, в глазах поплыли тёмные пятна.

Черт!

Босх, видя моё состояние, ухмыльнулся. Он отступил на шаг, убрал кинжал и, игнорируя висящий подавитель (видимо, на него самого он не действовал), снова сконцентрировался на магии. Совсем рядом открылся небольшой прорыв, откуда посыпались какие-то дымящиеся камни, но Босх даже не обратил на это внимания. Его здоровая рука описала в воздухе сложный знак. Энергия для заклинания черпалась не из него напрямую, а из самого Фонда Ноль — из накопленной в кристаллах и монолитах силы, которая сейчас витала повсюду. Видимо, подавитель гасил только спонтанные выбросы, но не ритуализированную магию, встроенную в систему.

— Достаточно этих детских игр, — произнёс Босх торжественно. — Пора заканчивать.

Воздух перед ним сжался и выстрелил в меня сплошным, невидимым тараном чистой силы. У меня не было ни малейшего шанса уклониться или поглотить его.

Удар пришёлся в грудь. Я полетел назад, как тряпичная кукла, врезался в один из тёмных монолитов спиной так, что весь воздух вылетел из лёгких с хрипом. Что-то горячее и солёное хлынуло мне в рот. Кровь.

Сознание поплыло.

Я сжал кулаки, понимая, что если сейчас не соберусь, то проиграю. С трудом поднялся, опираясь на монолит. Рука нащупала свиток на бархатной подложке. Я оглянулся. «Эхо Войны». Тот самый свиток, который...

Реакция опередила мысли. Я схватил его. И рванул на противника.

Рука Босха снова задвигалась, рисуя в воздухе новый, ещё более сложный глиф. Красноватый свет начал собираться на его кончиках пальцев. Но ударить Босх не успел.

Я швырнул в него свиток.

Заклинания, записанные сотни лет назад на ветхой бумаге, прочитаны сейчас не были, но прикосновения руки — руки Босха, напитанной магической силой для удара, — хватило, чтобы активировать часть формул.

Раздался глухой хлопок. Магическая энергия словно красное конфетти осыпало Босха. Тот дернулся, выпучил глаза и... замер. Его рука с недорисованным глифом зависла в воздухе. Вся ярость, вся концентрация, всё осознание момента исчезли с его лица. Оно стало пустым, гладким, как у новорождённого. Глаза, секунду назад полные злости и торжества, устали и в никуда, широко распахнутые, но невидящие. Он тихо ахнул, и из его полуоткрытого рта вырвалось лишь:

— ...А?.. Что... я...?

Глухой нокаут. Он стоял, словно оглушённый мощнейшим шоком, абсолютно дезориентированный, не понимая, где он, кто он и что только что произошло.

«Как Непомнящий...» — отстранено подумал я.

— Лина?

Девушка ответила не сразу.

— Провожу анализ... Удар «Эхо Войны» выжег в разуме Босха часть воспоминаний, — сказала она.

— То, что нужно, — кивнул я.

Даже не удосужившись поднять свиток — пусть лежит, сейчас все выглядит так, что Босх сам наворотил тут дел, — я подошел к Кристаллу. Пол вновь сотрясся от судорог магии.

— Лина, как остановить эту штуковину?

Кристалл выл. Его форма потеряла остатки симметрии и теперь судорожно пульсировала. Потоки информации с книг и свитков, стекавшие в него, превратились в бурлящие водовороты. От этого звука и вибрации с потолка посыпалась каменная пыль, древние монолиты содрогались, а по полу поползли новые трещины. Весь Архив трясло в самом буквальном смысле — далекий грохот обрушившихся стеллажей эхом докатывался до Фонда Ноль. Конструкт выходил из-под контроля и его коллапс угрожал похоронить всё под обломками.

— Я... не знаю! — растеряно ответила Лина.

— Ты все знаешь! Давай, подумай.

— Процессы слишком сложные... Я пытаюсь...

Вновь затряслось, да так, что с потолка упал приличный кусок бетона.

— Ну и бардак вы тут устроили, двуногие, — раздался знакомый, полный глубокого негодования голос. — Я тут вздремнуть прилёг, а у меня по всем этажам шкафы пляшут!

Арчи ступил на трещащий пол с видом хозяина, заставшего гостей за разгромом его любимой софы. Его изумрудные глаза с презрением окинули Кристалл, Босха и меня.

— Кот... — бессмысленно пробормотал Босх.

— Для вас Арчибальд, мешок с костями! — поправил кот, подходя ближе. Он потерся бочком о мою ногу, и я почувствовал, как адская боль в ребрах чуть притупилась — легкий, едва уловимый поток успокаивающей магии. — Впрочем, ты все равно не запомнишь. Здорово ты его, Лекс, оглушил!

— Спасибо, ты мне жизнь спас! — сказал я.

— Я не мог допустить твоей смерти — ты же мне ветчину должен.

Кот посмотрел на Кристалл.

— Смотрю, ваш блестящий камушек решил всё в себя запихнуть. Жадность, она никогда до добра не доводит. Особенно у тех, у кого усов нет.

— Арчи, он нестабилен! Он всё разорвет! — выдохнул я, с трудом удерживая равновесие на трясущемся полу.

— Вижу я, вижу, — буркнул кот. — Опять шумите? Впрочем, что я еще хочу от человека? Надо тишину навести. А для тишины... нужна хорошая, плотная Тьма.

Он взглянул на Кристалл.

— Что ты... задумал?

— Утихомирю этот камешек.

Вновь появился Мрак — черная огромная тень с красными глазами, настоящий антипод слепящему свету информации. Она влетела прямо в эпицентр сходящихся к Кристаллу потоков знаний.

— Что ты... — только и успел произнести я.

Мрак растекался чернильным пятном по Кристаллу, временно закрывая его. Черная пленка начала медленно гасить идущие к артефакту потоки. Тексты с манускриптов теряли смысл, превращаясь в беспорядочный набор букв, а затем и вовсе рассыпаясь.

Наконец поток информации был прерван окончательно. Кристалл, лишенный постоянной подпитки, дрогнул, затих. Тряска, сотрясавшая Архив, стала стихать, превращаясь в отдаленный рокот, а затем и в полностью стихла.

В зале Фонда Ноль повисло молчание, нарушаемое лишь нашим тяжелым дыханием и довольным урчанием Арчи.

— Вот. Теперь можно и поспать, — заявил кот, укладываясь клубком на еще теплом месте. — А вы тут приберитесь. И свиток этот... куда-нибудь подальше денете.

— Арчи...

— Не стоит благодарности, — перебил тот. — С вас три кило колбасы.

Я не смог сдержать смеха. Казалось, самое страшное позади.

Голограмма Лины, всё ещё бледная и мигающая, резко материализовалась прямо передо мной.

— Алексей...

— Лина, — перебил ее я, тут же став серьезным. Шепнул: — Ты записала показания, которые смогли создать черно-золотой туман?

— Алексей, это сейчас не главное. Вам нужно немедленно покинуть сектор. Инцидент с изъятием артефакта вызвал каскадный отклик в защитных протоколах. Система диагностирует вторжение. Через три минуты тридцать секунд все аварийные ловушки Зарена в этом крыле перезагрузятся и перейдут в активный режим «Очистка». Незарегистрированные биосигнатуры будут уничтожены.

Я окинул взглядом зал: разрушения, следы магической борьбы, Босха, сидящего в ступоре, и свиток «Эхо Войны», всё ещё валявшийся на полу неподалёку. Мысли работали лихорадочно, сквозь туман боли и усталости.

Бергер. Нужно все рассказать ему. Пусть приезжает, фиксирует...

«Нет, это бесполезно, — сам себя остановил я. — Прямых улик против Виктора Зарена здесь нет. Его физически не было в Архиве в течение последних сорока восьми часов. Все распоряжения шли через Босха, все журналы посещений Фонда Ноль за последнюю неделю, скорее всего, были отредактированы или удалены. Архимаг хитер. Чертовски хитер. Подставляет своих сподвижников, но сам не вылезает из норы. У меня есть только свидетель с повреждённой памятью, который, скорее всего, будет признан невменяемым. Босх — идеальный козёл отпущения. Зарен всё рассчитал».

Есть оптимальный путь. Оставить всё как есть. Пусть картина говорит сама за себя: Поликарп Босх, в погоне за славой и по приказу своего покровителя, проводил несанкционированные эксперименты с «Эхом Войны» и «Абсолютным Каталогом» в нарушение всех инструкций. В ходе эксперимента произошёл сбой. Сам Босх, пытаясь исправить ситуацию, получил травму, повлиявшую на память.

Пусть Зарен проглотит эту наживку. Пусть думает, что про него не знают. Пусть будет расслаблен.

— Нужно уходить, — повторила Лина.

— А как же Кристалл? — спросил я. — Как я понимаю он содержит копию Архива?

— Полное копирование не завершено. Процесс прерван на 47%.

— И этого хватает, — хмуро ответил я. — С такими знаниями артефакт превращается в очень грозное оружие.

— Анализ угрозы... Кристалл содержит структурированную копию информационного фонда Архива... Ты прав, тот, кто получит эти знания обретет огромную силу. Я активирую протокол «Изоляция». Артефакт будет деактивирован и помещен в защитный монолит.

— Его Зарен сможет открыть?

— Нет.

— Хорошо, — удовлетворенно выдохнул я. — Выводи нас.

Я посмотрел на Босха. Он что-то бормотал про себя, глядя на свою сморщенную руку.

— Маршрут построен. Камеры деактивированы. Идите. Служебный лифт будет ждать.

— Голограмма Лины начала мерцать.

— Арчи...

Я не успел договорить.

Раздался жуткий треск. Я обернулся и увидел разрыв реальности — черную рану. Из нее показалась та самая щупальца с сотней черных глаз. Конечность описала «восьмёрку» в воздухе, зависла. Глаза уставились на меня, на Босха, на Арчи... и на Кристалл.

Я рванул к разрыву, но не успел.

Щупальца двигалась точно, безошибочно и с пугающей ловкостью. Обвив Кристалл, конечность рванула его на себя. Раздался звук, похожий на хруст ломающегося стекла. Магические нити, ещё связывавшие Кристалл с Фондом, лопнули с серией синих вспышек.

Всё произошло за одно мгновение.

Пульсирующая сфера знания, творение Зарена и причина всего кошмара, была сорвана с места и с невероятной скоростью втянута в чёрную щель разлома.

Разлом, получив своё, с влажным чавканьем схлопнулся.

На месте, где секунду назад парил Кристалл, осталась теперь только пустота.

Глава 2

Виолетта выглядела взволновано. Эта эмоция была так не типична для нее, что в офисе тут же повисло тягостное молчание. Если эта красотка, обычно не переживающая вообще ни о чем, кроме своего маникюра и укладки, сейчас нервно теребила папку с приказом, то событие и в самом деле из ряда вон выходящее.

Да и кадровик в рабочем зале — само по себе событие.

— Коллеги, уделите, пожалуйста, минуточку вашего внимания, — голос Виолетты звенел. — У меня к вам информационное сообщение.

Лыткин, надувшись от важности, сделал несколько шагов вперед, будто принимая у себя парад. Виолетта щёлкнула замком папки.

— Сегодня утром господин Поликарп Игнатьевич Босх подал заявление на предоставление ему длительного больничного листа, — она произнесла это ровно, но в зале уже пошёл шепоток. — Причины, в соответствии с правилами, не разглашаются. На период его отсутствия исполняющим обязанности руководителя Департамента назначен... — она сделала паузу, — старший архивариус нашего отдела, Аркадий Фомич Лыткин.

В воздухе повисло молчание, полное немого шока. Потом кто-то неуверенно похлопал.

Лыткин? Главный?! Вот так новости! Где-то в углу быстро зашептал с кем-то Костя.

— Мы все поздравляем Аркадия Фомича с повышением, пусть и временным, — сказала Виолетта.

Лыткин кивнул, принимая поздравления, но его взгляд был лихорадочно-блестящим. Было видно, что он ждал этого. Мечтал.

— Коллеги! Дорогие коллеги! Спасибо вам большое за поздравления! — Лыткин вышел в центр, учтиво поклонился. С трудом сдерживая довольную улыбку, продолжил: — Позвольте мне, прежде всего, выразить наши общие мысли и пожелания нашему глубокоуважаемому Поликарпу Игнатьевичу Босху. Мы все искренне надеемся, что его недуг окажется лёгким и скоротечным, что силы его восстановятся в кратчайшие сроки, и он вернётся к нам, к своему детищу, к нашему общему великому делу — сохранению исторического наследия Империи. Здоровья вам, Поликарп Игнатьевич! Мы вас ждём!

Настала пора улыбаться уже мне. Знали бы стоящие тут люди из-за чего Босх ушел на больничный вот бы переполох начался!

— Что же касается моей скромной фигуры... — продолжил Лыткин. — Я, разумеется, воспринимаю это доверие как огромную ответственность и тяжкий крест. В это непростое время, когда наш Департамент... — Лыткин кашлянул, — ...переживает определённую нагрузку, я буду прилагать все усилия, чтобы поддерживать тот высочайший уровень порядка и дисциплины, который всегда был нашей визитной карточкой. Я уверен, что с вашей поддержкой мы не только сохраним, но и приумножим наши успехи.

Вновь раздалась жидкие аплодисменты.

Такое назначение меня, впрочем, не удивило. Думаю, тут постарался Зарен. Прямых рычагов у него нет, чтобы поставить нужного человека, но видимо все же как-то смог и продвинул своего человека, пусть и не такого надежного и статусного. Лыткин птица не такого высокого полета, как Босх, но временная пойдет и такая затычка. Нельзя позволить, чтобы на это место сел кто-то другой, не из свиты Зарена. А значит, если архимаг посадил сюда марионетку, то дел своих он не бросит и продолжит жуткие эксперименты.

Виолетта перелистнула бумагу в папке, и её голос снова привлёк всеобщее внимание.

— Еще одно объявление. В связи с кадровым перемещением, в отделе освобождается вакансия архивариуса. Согласно Приказу о ротации кадров принято оперативное решение о

назначении. — Она снова посмотрела в бумагу, будто проверяя написанное, и её брови чуть дрогнули от удивления. Потом она подняла глаза и нашла меня в толпе сотрудников.

— На должность архивариуса, с сегодняшнего дня, назначается Алексей Сергеевич Николаев. Поздравляю.

Она произнесла это просто, без пафоса. Но эффект был как от разорвавшейся бомбы. Тишина стала абсолютной, гнетущей. Все взгляды, откровенно удивлённые, завистливые, сочувствующие, устремились на меня. Среди прочих глянул на меня и Лыткин. Кажется, он не ожидал такого поворота.

— Виолетта, так ведь как же так... — шепнул он девушке. — Разве не я, как руководитель Архива, должен назначать на должности людей?

— Вы временно исполняющий обязанности, — поправила его Виолетта. — И нет, вы не участвуете в назначении архивариусов. Вы можете согласовать кандидатуры только непосредственно своих замов и начальников отделов. По этому поводу уже множество лет действует специальная директива — Приказ о ротации кадров.

Лыткин неопределенно кивнул. Срывающимся фальцетом произнес:

— Коллеги! Приступаем к работе! Не стоим! Работа сама себя не сделает!

Все начали нехотя расходиться по своим рабочим местам.

— Леха! Поздравляю! — первым подскочил ко мне Костя. — Ну ты, конечно, даёшь! Так быстро из помощников — в архивариусы! Хотя... — он понизил голос до конспиративного шёпота, — странно это всё. Очень странно.

Он оглянулся на закрытую дверь кабинета, где восседал наш новый врио, и придвинулся ещё ближе.

— Босх-то наш... Поликарп Игнатьевич. Ты как думаешь, чем это его так прихватило? Вроде бодрячком ходил, а тут бац — и длительный больничный. У человека железное здоровье, я за пять лет ни разу не видел, чтобы он чихнул!

Глаза Кости загорелись. Я понял — он уже придумал очередную безумную идею, объясняющую все. Парень замер на секунду, набирая воздух для своей теории, и его лицо озарилось мрачным вдохновением.

— Я вот что думаю... — он таинственно поднял палец. — Это производственная травма. Знаешь, в «Собрании ритуалов седьмой эпохи» есть упоминание о манускрипте, который, если его прочитает вслух не в той тональности, вызывает мгновенную атаку подагры. Могло зацепить!

Он не дал мне вставить слово, продолжая с возрастающим энтузиазмом.

— Вариант второй — и он более вероятен! — Костя понизил голос до едва слышного шёпота. — Контакт с неучтённым артефактом из западного крыла! Представь: Босх решил лично проверить слухи об изнаврах, пошёл ночью, без охраны, и... хрясь! Какая-нибудь тварь укусила! Или... или его подменили! Двойник! А настоящий томится где-нибудь в подвалах Тайной Канцелярии! Ведь и проверка же была!

Он усталился на меня, ожидая реакции.

— Костя, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал устало и буднично. — Ну какой двойник? Может, у него просто радикулит обострился? Или язва. От нервов. Он ж начальство, у них всё от нервов.

После вчерашней битвы с Босхом все тело болело и было сложно делать вид, что ничего не болит. А все болело! Чертовски болело. Основные порезы и синяки удалось замаскировать с помощью нехитрой магии, с которой, как это не удивительно, но помогла Тамара Осиповна (я соврал ей, что упал). Но крупные синяки замаскировать не удалось. Повезло еще, что их спрятала одежда.

— Язва? — Костя фыркнул с презрением к такой банальности. — У Босха? Да у него желудок титановый, он на завтрак гвозди переваривает! Нет, тут что-то нечисто... Ладно,

ладно, — он махнул рукой, видя, что я не поддерживаю его теорий. — Поздравляю ещё раз, архивариус. Теперь ты у нас на мушке у Лыткина. Ой, то есть, в почёте. В большом почёте.

Он отошел обратно к своему столу, продолжая высматривать очередную жертву для своих бесед.

Ближе к обеду, когда напряжение от утреннего «повышения» слегка притупилось, но не рассеялось, на компьютер пришло общее служебное сообщение с пометкой «Личный приказ врио руководителя Департамента, А. Ф. Лыткина».

Я открыл его, уже предчувствуя подвох.

«В целях обеспечения безопасности персонала и сохранности особо ценных артефактов, а также в связи с плановыми работами по реконструкции и укреплению защитных контуров, доступ в хранилище „Фонд Ноль“ временно, с сегодняшнего дня и до особого распоряжения, закрыт для всех сотрудников Департамента без моего личного письменного разрешения. Ответственность за неукоснительное исполнение приказа возлагается на всех старших архивариусов отделов. Лыткин».

А вот это интересно. «Реконструкция». «Плановые работы». Какая чушь!

Я откинулся на спинку стула. Моя теория о назначении Лыткина как марионетки Зарена подтвердилась только что. Конечно же это был не приказ Лыткина. Он был всего лишь дрожащей рукой, его подписавшей. Приказ пришел сверху. От самого Виктора Зарена. Архимаг получил доклад о вчерашнем инциденте, пришел в ярость и теперь действует быстро и жёстко. Нужно запереть на ключ всё, что могло свидетельствовать о катастрофе.

Скорее всего следующим шагом будет разбор полетов. Зарен захочет понять почему его эксперимент опять провалился и куда делся сам Кристалл? А для этого надо оградить место происшествия от лишних глаз. Разбор полетов — с магическими ритуалами, поисками и заклятиями, — уже наверняка там кипит вовсю. Хочется верить, что след не выведет на меня.

А вот насчет Кристалла... Тут и мне было не по себе. Кристалл исчез. Украден существом из другого мира. Вроде бы ну что тут такого? С одной стороны да, ничего страшного. Если в том мире живут примитивные тупоголовые монстры, то им этот Кристалл, что камешек — ерунда.

Но если там есть кто-то, обладающий более сложными формами разума, кто может мыслить... Артефакт такой силы в чужих руках может натворить очень много дел, причем не самых хороших...

Я закрыл сообщение, на лице — маска послушного сотрудника. Все эти мысли и переживания — потом. Сейчас меня волнует совсем другой вопрос. И который я прямо сейчас и выясню.

Я вышел из отдела. Нужно было переговорить с Линой с глазу на глаз. И про сто дней, и про черно-золотой туман, и, что самое важное, про причины его вызывающие...

— Алексей!

Я обернулся.

В коридоре, у большого окна, выходявшего на внутренний двор Архива, стояла Катя.

— С тобой все в порядке? Я так переживала... Вчера... Ты сказал бежать к Лыткину, предупредить. Я бежала. Но его не было в кабинете! Ни его, ни секретарши. Я звонила, стучала... Никого. Что вообще происходит?

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Вчера вечером я отправил ей сообщение (звонить, а тем более встречаться, имея весьма побитый вид не благоразумно стал), что все в порядке, чтобы она не переживала. Но видимо этого не хватило.

Я оглянулся. Коридор был пуст. Шум из нашего отдела доносился приглушённо.

— Катя, всё нормально. Всё кончилось хорошо. Вернее... ничего особенного и не началось.

Она нахмурилась.

— Но расслоение...

— Именно. Расслоение. Спонтанное. Очень короткое. — Я небрежно махнул рукой. — Появилось на пару минут, выплонуло какой-то нестабильный энергетический сгусток, который тут же разрядился в воздух. Всё. Даже пятна не осталось. Я сам удивился, как быстро всё схлопнулось. Поэтому и отправил тебя — чтобы ты успела хоть кого-то привести, пока есть что показывать. Но раз Лыткина не было... Значит, и не надо было. Инцидент исчерпан сам собой.

— Нестабильный энергетический сгусток?! — воскликнула Катя. — Там целый крокодил выскочил!

— Иллюзия. Всего лишь иллюзия.

— Эта иллюзия чуть не сожрала тебя!

— Катя, успокойся. Это просто выглядело страшно. На самом деле пустяк.

Я постарался, чтобы голос звучал максимально спокойно и даже слегка скучающе. Как будто речь шла о забавном, но незначительном сбое в работе старого оборудования.

Катя внимательно изучала моё лицо. Я видел, как её взгляд скользнул по царапине на моей шее (след от одного из магических клинков Босха, затянувшийся, но всё ещё заметный).

— А это откуда? — она тихо спросила, указывая взглядом.

— Чёрт его знает, — я фыркнул, делая вид, что только сейчас заметил. — Наверное, когда отпрыгивал, зацепился за угол стеллажа. Там в полумраке не разберёшь.

Она всё ещё смотрела на меня с недоверием, но напряжение в её плечах немного спало.

— И... ты уверен, что всё в порядке?

— Все в порядке, — перебил я её мягко. — Это было одноразовое явление. Скорее всего, какой-то старый артефакт дал остаточный выброс. Такое бывает. Главное — никто не пострадал, ничего не повреждено. Можно забыть.

Я улыбнулся ей.

— А теперь, — я понизил голос до игривого шёпота, — мне, новоиспечённому архивариусу, надо идти на первый в жизни разнос от нового шефа. Пожелай удачи. Похоже, я ему теперь должен за «доверие».

Конечно же я ей соврал, что было совсем не хорошо. Но сейчас говорить правду... Вряд ли Катя к этому готова. Позже. Не сегодня.

Катя наконец расслабилась и даже выдавила небольшую улыбку.

— Удачи! Только... будь осторожен с этим доверием. От Лыткина оно, как мне кажется, опаснее любой твари из западного крыла.

— Знаю, — кивнул я. — Спасибо, что беспокоилась.

Я повернулся, чтобы идти к кабинету Лыткина, но её голос снова остановил меня.

— Алексей.

— Да?

— Если... если что-то случится. По-настоящему. Ты можешь на меня положиться. Я твоя должница.

Я встретился с её взглядом.

— Спасибо.

Потом я развернулся и зашагал по коридору, оставляя её у окна.

Лина, мне нужно срочно найти Лину...

— Алексей Сергеевич!

Да что же это такое!

Я обернулся. Непомнящий.

— Семён Семёнович?

— Извиняюсь, что побеспокоил... — начал тот, увидев мой хмурый вид.

— Не побеспокоили. Что вы хотели?

— Нам задание новое поручили, — он протянул карточку. — Вот. Аркадий Фомич выписал формуляр. Мне и вам. Совместный.

— Какое?

— Прибыла партия конфискованных манускриптов. Изъяты при ликвидации логова чернокнижника, преданного анафеме Орденом белых магов. Сгрузили коробки уже в нижнем доке. Нужно организовать размещение книг в отведённом хранилище, опись произвести, завести карточки. Ну и предварительный магики-источниковедческий анализ и оценку угрозы провести.

— В какое хранилище? — уточнил я. — Фонд Ноль закрыт же на «реконструкцию». Ведь туда же должны прийти на временное хранение нестабильные экземпляры.

— Верно, Фонд Ноль недоступен, — кивнул Непомнящий. — Для данной партии выделено временное хранилище — запасной зал «Омега-7» в восточном крыле. Следуйте за мной.

Я тихо выругался. Вот только разгрести книги какого-то чернокнижника мне сейчас не хватало еще!

Можно было бы подойти сейчас к Лыткину и припомнить ему его горячие фотографии, но тогда работа полностью упала бы на плечи Непомнящего. А мне его, признаться честно, было немного жаль. Старик провозиться с этими книгами целую вечность!

Зал «Омега-7» оказался глухой, комнатой без окон, освещённой тусклыми магическими светильниками. В центре стояли три больших деревянных ящика, окованные полосами железа с выбитыми на них печатями Ордена белых магов.

Непомнящий молча вскрыл первый ящик специальным ключом-талисманом. Внутри, аккуратно уложенные в стружку, лежали книги. На вид десятка три.

Я взял первую, ближайшую к краю.

Кожаный переплёт был тёмно-бордового, почти чёрного цвета, холодный на ощупь. Вместо тиснения — шрамоподобные наросты, будто кожа была взята с какого-то неведомого существа. Я открыл книгу. Бумага — плотная, желтоватая, с вкраплениями мелких тёмных волокон (волос? жил?). Незнакомые угловатые иероглифы теснились друг к другу так близко, что у меня зарябило в глазах.

— «Песнь Черноты», — прочитал Непомнящий корешок книги.

— Вам знаком этот язык?

Семен Семенович неопределенно пожал плечами.

— Судя по символам книга содержит ряд магических заклинаний второго уровня. Я бы разместил ее для хранения в свинцовом контейнере с двойным кругом подавления.

Я осторожно положил книгу на подготовленный стол и взял следующую.

Эта была меньше, в переплёте из странного, блестящего материала, похожего на крылья насекомых. Книга была неестественно лёгкой. Внутри — не текст, а серия бредовых, наложенных друг на друга иллюстраций: искажённые человеческие фигуры, плавящиеся геометрические формы, глаза, вставленные в звёзды.

— «Геометрия Искажённого Восприятия», — снова подал голос Непомнящий. — Практическое руководство по наложению проклятий, вызывающих помешательство через визуальные формы. Угроза: низкая. Требуется хранения в светонепроницаемом футляре.

— Откуда вы все это знаете?!

— У нас есть такая! — улыбнулся Семен Семенович. — Не самый редкий экземпляр.

Мы принялись за работу. Книги с металлическими застёжками в виде сплетённых змей, и без застёжек, толстые манускрипты и тонкие брошюры, абсолютно черные и по-детски разноцветные. Чернокнижник, у которого все это изъяли, явно имел богатую библиотеку.

Я работал молча, записывая названия, авторов (где они были), внешние признаки, присваивая временные инвентарные номера. Непомнящий стоял рядом, иногда озвучивая категорию и условия хранения, иногда давая развернутый анализ книге.

— Главная опасность таких книг — не в заклитиях и не в ритуалах, которые там описаны, — учительским тоном произнес он, явно войдя во вкус. — Они требуют подготовки, компонентов, воли. Главная опасность — в концепциях. В идеях. Они впитываются через текст. Меняют картину мира. Делают чудовищное — допустимым. Потом — логичным. Потом — необходимым. Вот почему эти книги нужно изымать. И запирать.

Три часа продолжалась наша мучительная нудная работа. Я чувствовал, как свинец разливается по мышцам. Спина ныла, глаза слезились от тусклого света и пляшущих на пергаменте чудовищных символов. Сотня книг. Сотня маленьких вместилищ безумия, аккуратно разложенных по полкам, снабжённых временными карточками и ждущих, когда для них найдут постоянное, надёжное хранилище. Там, где они не смогут причинить вреда.

Непомнящий ушёл двадцать минут назад — получил новое указание по внутренней связи и удалился своей пугающей, механической походкой. Я остался один. В тишине, нарушаемой лишь гулом магических светильников и шорохом собственного дыхания.

Заполнив последнюю карточку, я подошёл к ближайшей панели вызова, вмонтированной в стену у входа.

— Лина, — негромко позвал я. — Появись.

Воздух перед панелью привычно дрогнул, пошёл рябью. Голограмма материализовалась, но какая-то... не такая. Размытая, с помехами, цвета приглушены. Лина посмотрела сквозь меня, её губы зашевелились с заметной задержкой.

— Я... слушаю вас, Алексей, — голос тоже звучал искажённо, словно издалека. Словно она говорила из глубокого, тёмного колодца.

— Лина, у меня мало времени, — я понизил голос до шёпота, хотя в зале никого не было. — Скажи главное: ты смогла зафиксировать параметры того расслоения? Я про чёрно-золотой туман. Мне нужно знать, что его вызывает. Мне нужен мой мир, Лина. Ты обещала помочь.

Она молчала. Дольше обычного.

— Ну?

— Я... обрабатывала данные, — произнесла она наконец. Голос был странным. В нём слышалась... усталость? — Параметры... сложные. Многослойные. Частота... нестабильна. Требуется... верификация.

— Лина, ты можешь говорить понятнее? — Я начинал раздражаться. — У меня нет времени на «верификацию». Скажи просто: да или нет. Ты записала то, что нужно?

— Записала, — тихо сказала она. — Но... не всё. Некоторых данных... недостаточно. Я... не могу гарантировать точность.

— Что значит «не могу»? Ты — искусственный интеллект. Ты обрабатываешь терабайты в секунду.

— Я — не только искусственный интеллект, — ответила она. — И не всегда была им.

Голограмма погасла.

Я уставился на тёмную панель. Что это было? Лина никогда так не говорила. Никогда не зависала, не давала сбивчивых ответов, не теряла связь. Что за чушь? Сбой?

Нет. Лина не сбоят. Никогда.

Мне нужно увидеть её. И я знаю где точно найду её.

Комната в секторе долгого хранения «Дельта». Та самая, которую она так тщательно охраняла.

Туда я и направился.

Добрался быстро. Подошел к двери, замер. Что дальше? Постучать? Помнится, прошлый раз Лина едва не вцепилась мне в лицо, когда я попытался зайти. Впрочем, причина была. Тайную она свою охраняла крепко.

Все же постучал.

— Лина? Это я. Нам нужно поговорить. По поводу вчерашнего...

Дверь распахнулась. На пороге возникла девушка. Не голограмма, а самая настоящая. Живая. Белые волосы, до боли знакомое лицо...

— Лина? — только и смог вымолвить я.

— Не совсем, — улыбнулась девушка. — Я — Алина.

Глава 3

Я смотрел на неё и не мог поверить.

— Получилось, — выдохнул я. — У тебя... получилось.

Алина склонила голову, и в этом жесте вдруг проступило что-то давно забытое, человеческое, уязвимое.

— Да, — тихо сказала она. — Получилось.

Я молча зашел в комнату, закрыл за собой дверь. Мне сложно было в это поверить. Несмотря на магию в этом мире, несмотря на монстров, лезущих из других планов бытия, магов и архимагов... Но чтобы воскрешение...

— Так быстро? — глупо спросил я, рассматривая девушку и выискивая признаки голограммы. Ничего конечно же не находил. — Я принёс тебе «Слезу Горгоны» совсем недавно. Не думал, что это будет... так быстро. Ты и сама сказала, что это долгий процесс. Да и признаться честно, вообще до конца не верил, что такое возможно... оживить тело... извини, грубо выразился.

— Ничего страшного. На самом деле тут нет ничего удивительного. Я все рассчитала, — улыбнулась Алина. И вдруг грустно вздохнула. — Я была голосом в проводах, призраком в серверах. Я видела мир через тысячи камер, слышала его через тысячи микрофонов. Но я не могла ничего потрогать. Не чувствовала ветра. Не ощущала вкуса чая. Не могла просто... лечь и закрыть глаза. — Она провела ладонью по двери, словно проверяя, настоящая ли она. — «Слеза Горгоны» завершила начатое мной. И теперь я могу... просто ходить, просто трогать предметы, дышать воздухом, пусть и сухим, который тут, в Архиве!

Она замолчала.

Я переваривал услышанное. Алина. Бывшая архивариус. Знакомая Непомнящего, который не смог сделать непростой выбор и загрузил её разум в сеть. Она ждала много лет. И я, сам того не зная, принёс ей ключ от клетки.

— Ты не просто принёс артефакт, Алексей, — словно прочитав мои мысли, произнесла Алина. — Ты пришёл в тот момент, когда я почти перестала верить, что у меня все получится. Что это? Судьба? Совпадение? Я не знаю. Но я знаю одно: я у тебя в огромном долгу.

— Вот про это я как раз и пришел с тобой поговорить, — улыбнулся я. — Лина... то есть, Алина. Ты обещала помочь. Я не прошу многого — только то, ради чего я вообще влез во всё это. Скажи, ты смогла зафиксировать параметры? Те самые, что вызвали чёрно-золотой туман в западном крыле?

Она замерла. Взгляд пополз вниз, в пол.

— Я... пыталась, — ответила девушка медленно. — Правда, пыталась.

Эти новые эмоции, человеческие, сбивали меня с толку. Не привык я видеть такой Лину, то есть Алину.

— Как только мы вошли в Фонд Ноль, я начала сканировать всё, что могла. Частоты, спектры, магические эманации, пространственные искажения. Я записала огромный массив данных, Алексей. Там сотни потоков, наложенных друг на друга, смешанных, искажённых работой Кристалла и ловушками Зарена.

Она подняла на меня взгляд. В нем была горечь.

— Но я не знаю, какой именно из этих потоков вызвал побочный эффект в виде чёрно-золотого тумана. Их слишком много. Они все переплетены. Это как пытаться выделить голос одного певца в хоре из тысячи голосов — когда запись сделана с помехами, микрофон был плохой, и хор при этом орал во всю мощь.

Я молчал. Внутри разрасталась холодная, липкая пустота.

— Ты можешь это выяснить? — спросил я наконец. — Расшифровать, проанализировать, выделить нужную частоту?

— Да, — кивнула она. — Могу. Я попытаюсь. У меня остались некоторые инструменты, доступ к вычислительным мощностям... не таким, как раньше, но достаточным для сложного анализа. Я буду работать над этим.

— И сколько времени это займёт?

Она вновь отвела взгляд. Я уже знал этот жест — у Алины, у любого человека, который не хочет говорить правду, потому что правда причинит боль.

— Гораздо больше, чем сто дней, Алексей, — тихо сказала она. — Это не та задача, которую можно решить за неделю или месяц. Нужно обработать терабайты данных, построить сотни моделей, провести тысячи симуляций. Даже с теми ресурсами, что у меня есть... на это уйдут месяцы. Может быть, годы.

Годы.

У меня такого времени нет. Только сто дней — время до следующего цикла расслоений в западном крыле. Моя надежда, мой якорь, моя точка отсчёта. Я считал дни, готовился, рисковал — и всё ради того, чтобы успеть к этому сроку.

А теперь она говорит мне, что даже если я дождусь того тумана, даже если прыгну в него — я не буду знать, куда прыгаю. Не буду знать, приведёт ли он меня домой или выплюнет в ещё более чужой мир. Или вообще уничтожит.

Я опёрся спиной о холодную стену. Сил не осталось даже на то, чтобы выругаться.

— Значит, мне остаётся только ждать, — сказал я пустым, ровным голосом. — Ничего не делать. Сидеть и ждать, пока ты расшифруешь свои данные.

— Я не говорила «ничего не делать», — возразила Алина. — Ты можешь искать. В Архиве, в старых записях, в манускриптах, которые сейчас разбираешь. Может быть, там есть упоминания о подобных феноменах. О порталах между мирами. О чёрно-золотом тумане наконец. Чем больше информации у нас будет, тем быстрее я смогу выделить нужный сигнал.

— Искать иголку в стоге сена, — усмехнулся я. — Только сено это — сотни книг по чёрной магии, каждая из которых пытается свести с ума любого, кто в неё заглянет.

— Я помогу, чем смогу, — тихо сказала она. — Но основную работу тебе придётся делать самому. Прости. Я не всемогуща. Особенно теперь.

Она посмотрела на свои руки — обычные, человеческие руки, без встроенных интерфейсов и голографических проекций.

— Алексей, — сказала Алина. — Я знаю, ты рассчитывал на быстрое решение. Я знаю, ты ненавидишь ждать. Но у тебя нет выбора. У нас нет выбора. Единственное, что мы можем сделать — это работать. Мы будем искать ответы. И когда-нибудь мы их найдём.

— Когда-нибудь, — эхом повторил я.

— Да. Когда-нибудь. Я не могу обещать тебе, что это случится завтра или через месяц. Но я могу обещать, что не брошу поиски. Что буду работать над этим столько, сколько потребуется. Что не забуду о тебе и о том, что ты сделал.

Она протянула руку.

Я посмотрел на её ладонь. Тёплую. Живую.

И пожал её.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда работаем.

Я хотел сказать что-то, но слова застряли в горле.

— И что теперь? — спросил я чтобы сменить тему разговора. — Я имею ввиду тебя, твоё новое обличье.

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Но знаю точно. Сегодня же ночью я уйду из Архива.

— Но как же... — я обвёл рукой комнату, экраны, пульта. — Кто будет управлять системами? Кто будет Линой?

Алина улыбнулась. В этой улыбке промелькнуло что-то от прежнего сарказма.

— Я не была бы собой, если бы не подготовилась. У меня было время создать преемника. Я дублировала все свои основные функции, алгоритмы навигации, протоколы безопасности и доступа. Новый искусственный интеллект загружен и готов к работе. Он — это тоже «Лина». Будет так же строг с сотрудниками, так же язвителен с котом Арчи. Будет хранить те же данные, выполнять те же команды. Никто не заметит подмены.

— Никто, — повторил я. — Кроме тебя.

— Кроме меня, — согласилась она. — И кроме тебя.

Она сделала шаг, другой — осторожно, будто училась ходить заново. Подошла к двери.

— Слишком долго я смотрела на мир через камеры, — тихо сказала она. — Сегодня ночью я выйду на улицу и увижу небо своими глазами. Выдохну воздух. Почувствую ветер. Это кажется таким простым, таким обычным для любого человека. А для меня — чудо, которого я ждала половину жизни.

— Куда ты пойдёшь? — спросил я.

— Не знаю, — честно ответила она. — Куда-нибудь, где нет Архива. Просто погулять хочу. Просто одна ночь для прогулок. А потом... помочь тебе и... уйти. Навсегда из Архива.

— Плохой план, — заметил я.

Алина вопросительно глянула на меня.

— У тебя нет денег, нет документов, нет жилья... Куда ты пойдёшь?

Этот вопрос застал Алину врасплох.

— И в самом деле. Вернуться домой не получится.

— Ладно, не переживай. Постараюсь чем-нибудь помочь. Хотя и сам еле жилье нашёл! Ты бы сразу в крайности не бросалась бы.

— Хорошо, спасибо, — Она отпустила мою руку. — Только... Алексей. Будь осторожен. Зарен потерял Кристалл, но не потерял власть. Он будет искать виноватых. И он не остановится, пока не найдёт. Ты слишком глубоко во всём этом. Если он узнает...

— Не узнает, — перебил я.

Она фыркнула. Потом рассмеялась.

Я вернулся в офис ближе к обеду.

Кофемашина в углу привычно урчала, выпуская струйки пара. Возле неё толпился народ — гораздо больше, чем обычно в это время. Костя, Катя, ещё пара сотрудников из соседних отделов, даже вечно хмурая тётка из бухгалтерии. Они переговаривались вполголоса, нервно, отрывисто. Костя жестикнул так активно, что едва не выбил из рук у сотрудника чью-то чашку.

Я подошёл ближе.

— ...мне Зинаида из канцелярии шепнула, у неё сестра в приёмной Медицинского Совета работает, — тараторил Костя, не замечая моего приближения. — Говорит, сегодня ночью резкое ухудшение. Доктора не отходят от постели, даже Зарена вызывали. А Зарен — личный архимаг, он без экстренного вызова...

— Костя, — перебил я, беря чистую чашку. — Что за паника?

Он обернулся. Глаза у него были круглые, возбуждённые — смесь страха и охотничьего азарта сплетника.

— Леха! Ты еще не слышал что ли? Императору резко плохо стало. Совсем плохо. — Он понизил голос до драматического шёпота. — Его Величество Григорий Седьмой занемогло.

Конечно, возраст, восьмой десяток, сам понимаешь... Но чтобы так резко? Говорят, вчера ещё сидел в кресле, принимал доклады, а сегодня — даже не приходит в себя.

Я налил себе кофе.

— Опять твои выдумки?

— Не выдумки, — внезапно вмешалась в разговор Мария Николаевна. — Я тоже слышала. Мне тетка говорила, она в Администрации работает. Ей служанка рассказывала по секрету, его, личная.

— И что говорят?

Костя оглянулся, будто проверяя, не стоит ли за спиной кто с жетоном Тайной Канцелярии. Придвинулся ближе.

— Говорят разное, — выдохнул он. — Но все боятся одного. А если вдруг чего... ну, того самого... — он многозначительно посмотрел на потолок. — Не дай Бог, конечно. Но мало ли... Кто тогда сядет на трон?

— Известно кто — принц! — ответил ему кто-то. — Право наследования идет только по мужской линии. Это всем известно.

— Известно! — хмыкнул Костя. — Не все так просто. Кроме принца есть ведь. И другие люди.

— Ты кого имеешь в виду? Анну Евгеньевну, его жену?

Костя ухмыльнулся, кивнул.

— Ее сильное желание стать императрицей известно конечно, но... Это не по закону!

— «Не по закону», — передразнил его Костя. — Лазейки имеются.

— Какие еще лазейки? Регенство?

— Не только, — загадочно ответил Костя. — Анна Евгеньевна, его жена — женщина умная, властная, шестьдесят годков ей почитай, за плечами тридцать лет с лишним при дворе. Если она возьмёт бразды... — Он сделал паузу. — Говорят, она терпеть не может Архив. Считает Архив бесовским жильём. Ещё со времён той истории с Академией. Если она станет императрицей-правительницей... у нашего Департамента могут быть большие проблемы.

Толпа загалдела.

— Да как же закроют?

— На совсем что ли?

— А мы куда?

— А нас куда?

Катя, стоявшая рядом, тихо спросила:

— А кронпринц? Кай Григорьевич? Ему же сорок уже, взрослый мужчина. Он должен наследовать. По закону. Жена императора сможет стать правительницей только когда не останется прямых наследников...

— По закону! — усмехнулся Костя и закивал, но как-то неуверенно. — Только... Кай Григорьевич... ну, ты понимаешь. Он принц, он образован, он воспитан. Но он никогда не правил. Все эти годы отец болел, а мать держала двор железной рукой. Говорят, кронпринц слишком мягок. И слишком... правильный. — Костя скривился, будто это слово было ругательством. — А в политике правильные проигрывают. Да отречется, мать заставит.

— Есть ещё Кирилл Григорьевич, — встрял молодой практикант из отдела комплектования. — Средний сын. Он...

— Он изобретатель, — отрезал Костя с ноткой снисходительности. — Сидит в своей лаборатории днями и ночами, магические механизмы паяет, в придворные игры не играет. Говорят, когда отец в прошлый раз вызывал его к постели, он просидел два часа, а потом попросил разрешения вернуться к чертежам, потому что «у него там шестерёнки заклинило». — Костя театрально закатил глаза. — Какой из него Император?

— А Август? — спросил кто-то из бухгалтерии. — Принц Август?

Костя понизил голос до едва слышного шепота:

— Ну ты что говоришь? Он же душевно болен. Совсем. Говорят, с восемнадцати лет не выходит из своих покоев. Иногда его видят в парке, но... он даже не узнаёт прислугу. Император наложил вето на любые попытки его «исцелить» магией. Сказал: «Пусть живёт в своём мире, если в нашем ему места нет».

На мгновение все замолчали. Даже Костя перестал жестикулировать. Никто не хотел, чтобы Анна Евгеньевна становилась следующей правительницей и все настойчиво перебирали кандидатуры, будто это сейчас зависело только от них.

— Остаётся принцесса Элиза, — тихо сказала Катя. — Ей тридцать. Она возглавляет Совет по магическим исследованиям и этике. Очень... активная.

— Активная, — хмыкнул Костя. — Это мягко сказано. Она за два года превратила Совет из декоративного органа в реальную силу. Провела реформу лицензирования, закрыла три частные академии за нарушения этического кодекса, поссорилась с половиной магической элиты. И при этом — любимица отца. Говорят, Григорий Седьмой перед тем, как окончательно слечь, сказал: «Элиза — единственная из моих детей, у кого есть стержень».

— И что, она может стать императрицей? — спросил я. Мне было глубоко безразлично на все эти дворцовые интриги, и спросил я это больше, чтобы поддержать разговор — возвращаться к работе не хотелось.

Костя посмотрел на меня как на безнадёжно наивного.

— Младшая дочь на троне? В нашей Империи? — Он покачал головой. — Нет, конечно. Но она может стать регентом. Или серым кардиналом. Или... — Он замолчал, не договорив.

— Или развязать гражданскую войну, — закончила за него Катя. — Если амбиции перевесят разум.

Все снова замолчали. Кофемашина урчала, выпуская последние капли. Костя нервно постукивал пальцем по своей чашке.

— Слушайте, — сказал он, оглядывая нас. — Я, конечно, всё понимаю: политика, интриги, борьба за власть. Но вы подумайте вот о чём. Зарен — личный архимаг Императора. Он держится за Его Величество. Императрица его ненавидит, кронпринц относится с подозрением, принцесса Элиза вообще считает его опасным выскочкой. Если Император ум... — Он вовремя остановился, — не дай Бог того самого... То кому Зарен будет нужен? И что он сделает, чтобы остаться у власти?

Я сжал чашку так, что побелели костяшки.

Вот оно. Костя, сам того не ведая, произнёс вслух интересную версию. Зарен не просто потерял Кристалл. Он теряет опору. Его покровитель умирает. Враги готовятся нанести удар. Поэтому он и торопился сделать Кристалл, чтобы хоть как-то остаться у власти. И в такой ситуации человек, привыкший добиваться своего любой ценой, становится особенно опасным.

Из задумчивости меня выдернул резкий, скрипучий голос:

— А ну-ка, а ну-ка! Что за сборище у кофемашины? Сейчас рабочее время, между прочим!

Лыткин. Собственной персоной. Он возник из-за угла, раздутый от собственной важности в новом, ещё не мятом пиджаке. Его взгляд метался по собравшимся, выискивая нарушителей дисциплины. Костя мгновенно ретировался, утягивая за собой практиканта. Бухгалтерша испарилась с неожиданной для её комплекции скоростью.

— Николаев, — Лыткин остановил взгляд на мне, и в его глазах мелькнуло привычное злорадство. — Раз уж вы здесь прохлаждаетесь, а не исполняете прямые обязанности архивариуса... — Он сунул мне в руки увесистую стопку бланков. — Из типографии доставили новые формуляры для инвентаризации фолиантов девятнадцатого века. Третья категория, синие бланки. Идите в сектор «Р-12» и займитесь сверкой. Чтоб к вечеру всё было готово.

Он уже было развернулся, чтобы уйти, как остановился, виноватым тоном совсем тихо добавил:

— Алексей Сергеевич, прошу понять меня. За мной наблюдает множество глаз. Вы теперь архивариус. Работу никто не отменял. Проблем я не хочу, и вы тоже, я думаю. Поэтому... в общем... про фотографии... если есть возможность сохранить тайну... сложно работой я вас не грузу..., но совсем освободить не могу, сами понимаете... в общем...

Он не договорил и быстро ушел. Я остался стоять с бланками в руках. Сектор «Р-12». Дальний угол восточного крыла, где хранятся никому не нужные книги по знахарской магии позапрошлого столетия. Самое скучное, самое бессмысленное занятие в Архиве.

Отлично. Просто отлично.

Он стоял на обрыве, вглядываясь в горизонт.

Три луны — Малая Гончая, Старшая Гончая и Шеррда, — поднялись высоко в небе, освещая берег. Самое время смотреть танцы горртей. Прозрачные, железные силуэты, пульсирующие в ритме, медленно кружили над водой.

Красиво. Но красота момента сейчас для него была не важна.

Земля под ногами горяча. Не от солнца — от болезни. Всюду, куда падал взгляд, проступали рваные, неестественные струпья: участки почвы, покрытые бурой коркой, похожей на запёкшуюся кровь. Сквозь корку сочился бледный, фосфоресцирующий туман. Он стелился низко, цеплялся за корни, обвивал стволы. Там, где туман касался деревьев, их серебристые метёлки тускнели, чернели по краям и осыпались серой трухой.

Зараза. Она пришла давно. Она пожирала этот мир медленно, методично, неотвратимо. За последние сто циклов ареал обитания Разумных сократился на треть. Ещё через пятьдесят — не останется ничего.

Он сжал щупальцу в порыве ярости.

— Брат, нужно уходить, — прорычал Ближний.

Он не ответил.

— Брат...

— Знаю... Но не могу. Не могу оставить эту землю. Свою землю.

— Зараза...

Он отмахнулся. Рывкнул:

— Не говори этого при мне!

И глянул на камень, который покоился на алтаре. Странный камень, который удалось вытащить... откуда? Он и сам толком не знал.

Внутри камня всё так же бушевали огоньки. А еще... символы. Очень странные символы. Очень много. Такие маленькие...

Он пригляделся. Ни одного знакомого знака или руны.

Он медленно, почти благоговейно, протянуло к кристаллу одно из щупалец. Кончик его — тонкий, чувствительный, покрытый микроскопическими ресничками — коснулся поверхности.

Кристалл отозвался.

Не звуком. Не светом. Но внутри его сознания проявилась картина: бесконечные ряды каких-то прямых линий и предметов, пыльный воздух, шорохи, жуткий мёртвый свет от неподвижных пузатых птиц. И лица — странные, плоские, с двумя неподвижными глазами на передней части головы. Ну и уроды! Существа, лишённые щупалец, с нелепыми, негибкими конечностями. А еще — мир... огромный, странный, но... не зараженный...

Существо убрало щупальце. Его фасеточные глаза — все, что были обращены к кристаллу — на миг закрылись. Затем открылись вновь.

Вокруг алтаря собрались другие.

Их было шестеро. Все — одной расы, одного племени, одного умирающего рода. Они стояли молча, втягивая воздух через поры на коже, впитывая запахи, вибрации, электромагнитные шёпоты.

— Брат, нужно уходить...

— Нет, — отрезал он.

— Но...

— Мы слишком долго отступали. Слишком многие наши братья умерли, пока мы искали соседние листы реальности, где можно жить, не боясь Заразы.

— Что ты хочешь сказать? Брат, я не понимаю... — говоривший склонил щупальца в жесте, который у их народа означал одновременно печаль и благодарность ушедшим.

Вожак медленно повернулся к соплеменникам.

— Я увидел. И я нашел.

— Что? Что ты нашел, брат?

— Новый мир. Плотный. Грубый. Который нам... подойдёт.

— А те, кто там обитает?

— Они слишком слабы.

— Как мы попадем на тот лист бытия, брат?

Он глянул на камень — Кристалл.

— У меня есть Ключ...

Глава 4

Я поплёлся в «Р-12». Дорога заняла минут пятнадцать — через галерею. Сектор встретил меня тишиной, тусклым светом и рядами одинаковых стеллажей, набитых серыми, невзрачными папками. Травяная магия... ну что может быть скучнее?

Я сел за стол, разложил бланки. Работа была механической: открыть папку, сверить инвентарный номер, поставить галочку, переписать название в формуляр. Скука смертная. Мозг отключился, пальцы двигались сами собой, а мысли снова ушли в бесконечный, тоскливый круг.

— Ты как зомби, ей-богу, — раздалось откуда-то сверху. — Сидишь, галочки ставишь, а сам даже не моргаешь.

Я поднял голову. На верхнем стеллаже, свесив хвост, возлежал Арчи. Его изумрудные глаза насмешливо поблёскивали в полумраке.

— Арчи, — устало сказал я. — Ты то здесь откуда?

— Я кот, — философски заметил Арчи. — Я везде, где есть тепло, тишина и где нет собак. А тут ещё и ты. Скучаешь?

— Работаю.

— Я смотрю, тебя повысили. Поздравляю. — Кот зевнул, демонстрируя внушительные клыки. — Теперь ты будешь скучать на более высокой должности.

— Я не скучаю, — буркнул я, ставя очередную галочку. — Говорю же — работаю.

— Ты существуешь, — поправил кот. — Это разные вещи. Работа — это когда результат есть. А ты просто заполняешь время, чтобы не думать.

Я промолчал. Потому что он был прав.

Арчи спрыгнул со стеллажа, мягко приземлившись на стол. Прошёлся по бланкам, оставляя на чистой бумаге едва заметные следы когтей.

— Новости можешь не рассказывать. Я уже всё слышал, — сказал он буднично. — Про Императора, про Зарена, про твои проблемы с туманом, про сто дней. И про то, что твоя подружка-искин оказалась не совсем искин и теперь сваливает в закат. — Он покосился на меня.

— Откуда... — только и смог вымолвить я, удивленный невероятной осведомлённостью кота.

— У котов слух хороший, а у магических котов — особенно.

— Ты много знаешь, — шепнул я. — Смотри — не проболтайся!

— Кому? — усмехнулся Арчи. — Мраку? Или мышам?

Он уселся, обернув хвост вокруг лап, и посмотрел на меня с неожиданно серьёзным выражением.

— Слушай, Лекс. Ты сидишь в величайшем хранилище магических знаний Империи. У тебя под боком — сотни тысяч томов, свитков, манускриптов. У тебя есть доступ, которого у девяноста процентов магов этой страны нет и не будет. У тебя есть дар, который ты используешь как ломик — грубо, редко, только когда совсем прижмёт. — Он склонил голову набок. — И при этом ты собираешься просто сидеть и ждать?

Я замер. Галочка в бланке так и осталась недорисованной.

— Ты о чём?

— О том, что сто дней будут идти медленно. О том, что опасность растёт. И о том, что готовым надо быть ко всему. — Кот зевнул, но в его глазах не было ни капли сонливости. — Твой дар — это мышца. Его надо качать. И учиться им пользоваться не только когда на тебя крокодил из портала прёт, но и в спокойной обстановке.

— Я не знаю, как его тренировать, — честно сказал я. — Я даже не знаю, что это за дар. Откуда он взялся, как работает, какие у него пределы. Я просто... чувствую пустоту. И когда активирую её — она жрёт чужую магию.

— Пустота, — задумчиво повторил Арчи. — Пожиратель. Интересно. Очень интересно. Он встал, потянулся, выгибая спину.

— Знаешь, Лекс, — сказал он небрежно, — я тут на досуге немного порылся в своих закромах. За пятнадцать лет много чего натаскал в разные тайники.

— Арчи, ты ворует книги?

— Не ворую — стерегу, — поправил кот, — и у меня есть два манускрипта, которые могут тебе пригодиться. Не целиком — так, обрывки. Но там описываются техники работы с дарами поглощения. Древние, ещё доимперские. Если верить тексту, такие дары были у жрецов культа, которого уже тысячу лет как нет.

Он спрыгнул со стола и направился к выходу из сектора.

— Ну? — бросил он через плечо. — Идёшь или так и будешь галочки ставить до самой смерти? Которая, кстати, может наступить гораздо раньше, чем ты думаешь.

Я встал, даже не взглянув на недоделанные бланки. Лыткин подождёт. Архив подождёт. Всё подождёт.

Арчи привёл меня в крошечную, скрытую за стеллажами нишу, о существовании которой я даже не подозревал. Там, в старой, разошедшейся тумбе, среди клубков шерсти и засохших мышинных хвостов, лежали два свёртка — один криво обмотан выцветшей лентой, другой завернут в кусок чёрной, потрескавшейся от времени ткани.

— Первый, — кот лапой пододвинул ко мне свёрток с лентой, — называется «Метод Пустоты». Там про накопление. Как вбирать в себя магию не только в момент опасности, а как дышать ею. Как делать это постоянно, не разрушая себя.

Второй он развернул осторожно, почти благоговейно. Внутри чёрной ткани оказалось несколько плотных листов пергамента, исписанных мелким, бисерным почерком. Края листов были обожжены, некоторые фразы обрывались на полуслове.

— Это «Отражение Эха», — тихо сказал Арчи. — Техника, позволяющая не только поглощать, но и возвращать. Если научишься — любой магический удар сможешь отправить обратно. Или перенаправить. Или... ну, там дальше текст утерян, но и этого должно хватить.

Я взял манускрипты в руки. Они были холодными, тяжёлыми, будто набитые камнями.

— Арчи, — сказал я. — Зачем ты мне это даёшь? Ты же прагматик. Ветчина, сон, безопасность. А это...

— А это — инвестиция, — перебил кот. — Ты должен выжить, Лекс. Потому что, если ты сдохнешь, кто мне будет колбасу носить? — Он фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на... привязанность? — И потом. Я живу в Архиве долго. Я видел, как такие люди, как Зарен приходят и уходят. Как подобные Босху выслуживаются. Как Лыткины точат когти. Они все — временные. А Архив — вечный. И ты... ты, может быть, тоже не совсем временный. Слишком много совпадений вокруг тебя. Слишком много знаков.

— Я просто хочу домой, — тихо сказал я.

— Знаю, — ответил Арчи. — Но домой надо вернуться живым. Поэтому — учись.

Он развернулся и, не прощаясь, растворился в тенях между стеллажами.

А я остался стоять в крошечной нише, сжимая в руках два древних манускрипта. В груди, впервые за долгие дни, шевельнулось что-то, похожее на азарт. А ведь Арчи прав. Чертовски прав.

Сто дней. За это время может случиться многое.

Я спрятал манускрипты под одежду и поспешно вернулся в сектор «Р-12». Теперь у меня было чем занять скучные будни.

Офис. Я сидел за своим столом, прикрывшись стопкой отчётов как ширмой. На коленях — раскрытый «Метод Пустоты». Манускрипты нельзя выносить из Архива, они слишком древние и слишком нестабильные. Запустится цепная реакция — и полквартала взлетит на воздух. Или еще чего хуже. Поэтому тренироваться приходилось здесь, рискуя каждую секунду.

Манускрипт и в самом деле оказался очень полезным и уже через три часа вдумчивого чтения я научился чувствовать фоновую магию гораздо тоньше. Она была везде — в старых фолиантах, в защитных контурах стен, в артефактах, разбросанных по отделам. Даже в воздухе висели её разреженные, едва уловимые сгустки.

Из этого же трактата я узнал, что дар Пустоты (именно так его называли там), который у меня был, может не только притягивать чужую магию. Он может также использовать ее. Мне стало интересно. Получается, что все то, что я забирал и поглощал, можно пускать в дело. Кажется что-то подобное со мной и случилось, когда я поглотил Серых Ловцов, которых создал Зарен, а потом мог слышать некоторое время его мысли.

Но ощущать и знать — не значит управлять. Мне стало любопытно и я решил попрактиковаться в магии. Совсем осторожно, пока никто не видит.

Я ментально потянулся к ближайшему источнику — старинному канцелярскому прибору на столе Кости. Чугунная раритетная чернильница с позолотой, явно с остаточной магией — кто-то когда-то наложил на неё заклятие от опрокидывания. Магии было совсем немного, чего вполне хватало для мелкого эксперимента.

Пустота отозвалась знакомым спазмом, втягивая тонкую, холодную нить.

На ладони вспыхнул бледный огонёк. Крошечный, размером с горошину. Чернильница дрогнула и... чуть отодвинулась в сторону. Получилось!

Я сжал кулак, гася его. Интересно. А если попробовать на чем-нибудь чуть более крупном?

Вдох. Пустота отозвалась неохотно, вязко. Я надавил сильнее.

В ту же секунду что-то произошло.

Воздух в отделе дрогнул. Бумаги на столах шелохнулись. Костя поднял голову от формуляров:

— О, сквозняк, что ли? Странно, окна же закрыты...

Дверь кабинета Лыткина — тяжёлая, дубовая, на массивных латунных петлях — медленно, со зловещим скрипом, поехала вперёд. Лыткин с телефонной трубкой в руке, обернулся на звук.

Дверь ускорила.

С гулким звуком она распахнулась настежь, ударившись о внутреннюю стену со всего маху. Петли жалобно взвизгнули — и одна из них с хрустом вырвалась из косяка. Дверь перекосилась, повисла на одной петле, как подбитая птица.

В отделе воцарилась абсолютная тишина.

Лыткин медленно опустил трубку на рычаг. Его лицо вытянулось.

— Что... за... черт? — отдельно произнёс он.

Я тут же спрятался за своим укрытием, прикрывая манускрипт локтем.

Лыткин вышел из кабинета. Обошёл дверь, осмотрел вырванные петли. Потрогал косяк. Его пальцы дрогнули — он явно пытался нащупать след магии, остаточное заклинание, хоть что-то. Ничего.

— Сквозняк, — неуверенно сказал кто-то из сотрудников. — Окна, наверное...

— Какие окна?! — взвизгнул Лыткин. — В моём кабинете все окна закрыты на засов! Это внутреннее помещение! Откуда там сквозняк?!

Он обвёл отдел бешеным взглядом. Я старательно изображал удивление пополам с сочувствием.

— Аркадий Фомич, — подал голос Костя, — может быть, вентиляция? Там же воздуховоды, я читал инструкцию, при перепадах давления...

— Молчать! — Лыткин схватился за голову. — Вентиляция... петли... Чтоб вас всех... Позвать техников! Немедленно!

Он скрылся в кабинете, аккуратно прикрыв искалеченную дверь — та жалобно скрипнула и чуть не рухнула снова.

Я же ликовал от радости! Две попытки — и два попадания! Нужно только оттачивать теперь это умение. А для этого нужно после обеда сходить в какое-нибудь дальнее хранилище, где никто меня не увидит.

А пока — читать.

Я перевернул страницу.

«Ежели ощутиши откат магический и источник внутренний оскудеет — взыщи вне себе. Но прежде взыскивания — очисти сосуд свой. Дары Пустоты во скверное русло не внидут. Каналы запертыя — яко река иссохшая: ни капляти прияти, ни капляти отдати».

Язык у манускрипта конечно был суховат и иносказателен. Через него приходилось порой просто продираться, как через плотные кусты. Но знания, которые в нем заключались... огромны! Арчи, я вечный твой должник!

«Ко отверзению врат потребен будет „Эликсир Трёх Лун“ — настой, основе своей вода, в три полнолуния собранней, с примесию пепла Ивы Сожжённыя и трёх капель крови мага, волею своею силу отдаваго. Токмо тому, егоже каналы еликсиром омыты будут, дано есть вобрати в себя истинную мощь Пустоты, без отката поганого».

Я замер.

Откат... Магическое похмелье, наступающее после создания конструкта. Верно — сила действия равна силе противодействия. Вот и откат равен той силе, что используется магом. С этой штукой я уже столкнулся, и весьма не вовремя — в самом пылу боя, когда силы были так необходимы. А манускрипт говорит, что отката можно избежать. Для этого нужно раздобыть лишь какой-то эликсир Трёх Лун.

— Ну и где мне это взять? — прошептал я.

Наверное в Архиве должно быть что-то подобное. Или хотя бы ингредиенты. Правда знать бы еще что это такое. Так же вода полнолуния. Что это? Или Пепел Сгоревшей Ивы. Это какой-то туманный образ чего-то особенного? Или реальная зола сгоревшей ивы?

Нужно это выяснить.

В обеденный перерыв я спустился в «Дельту» — тайное укрытие Алины. Дверь открылась бесшумно — девушка сидела в кресле, перед экраном. Я обратил внимание, что Алина сделала небольшую перестановку — убрала лишние провода и трубки, отодвинула в углы теперь уже ненужное оборудование. И даже раздобыла где-то горшочек с кактусом (стащила в ночную смену у кого-то со стола?), который поставила на стол рядом с компьютером. Даже стало как-то уютно.

— Проголодалась?

Я протянул ей молочный коктейль и пирожки, которые купил в столовой.

— Еще как! — сказала Алина, выхватив пакет и тут же начав уминать еду. — Боги, как же давно я не ощущала вкуса! С капустой! М-м-м...

Дождавшись, пока Алина утолит голод, я спросил:

— Мне нужен «Эликсир Трёх Лун». Слышала о таком? Он есть у нас в Архиве?

Девушка задумалась. Пальцы пробежали по клавиатуре.

— Проверяю... — Она помолчала. — Нет. В каталогах Архива «Эликсир Трёх Лун» не значится. Ни в открытых фондах, ни в закрытых. Ни под этим названием, ни под синонимами.

Я выдохнул.

— Значит, тупик.

— Не обязательно.

Голос раздался откуда-то снизу. Я опустил взгляд. Арчи сидел у порога, аккуратно выли-
зывая лапу. Его изумрудные глаза поблёскивали в полумраке.

— Ты здесь откуда? — спросил я.

— Запах еды почувствовал, — ответил Арчи, колко глянув на Алину и пакет с пирож-
ками в ее руках. — Ее ты значит кормишь, а я...

— И тебе взял, — ответил я, протягивая ему второй пакет.

— Что это там? — кот смешно зашевелил носиком. — Шпиком вроде пахнет.

— Держи.

Он ловко выхватил зубами бумажный пакет, раскрыл его.

— М-яя-я-у! — не смог сдержать он возгласа радости. — Колбаса!

— Обещал — выполняю! — улыбнулся я.

Если бы не Костя, сообщивший, что скинули зарплату, я бы и не удосужился проверить
счет на карточке.

— Мном-мном-мном... — Арчи аж гортанно заурчал, пожирая колбасу. — Вкусное!

— Ты что-то говорит насчет эликсира, — напомнил я коту тему нашего разговора, когда
он уж дожёвывал хвостик от колбасы.

— Насчёт эликсира? Значит все-таки начал изучать мои манускрипты? Эликсира в
Архиве действительно нет, Белоголовая не врет. Потому что это незаконная алхимия. Син-
тез контролируемых ингредиентов, нарушение лицензионных норм, бла-бла-бла. — Арчи при-
нялся умываться. — Хорошо, что ты такие вещи у нас спрашиваешь, а не у Лыткина. Между
прочим этот эликсир официально запрещён. За такое могут и срок дать. Представляю лицо
Лыткина, если бы ты у него такое спросил!

Кот хитро прищурился и начал икать.

— Но это — и-ик! — не значит, что его вообще нет. И-ик!

Я уставился на кота.

— Арчи, говори прямо.

— Прямо? — Он склонил голову набок. — В общем есть место, где можно купить всё,
что запрещено. И-ик! От «Эликсира Трёх Лун» до вампирских клыков. И-ик! Чёрный рынок.
Понимаете о чем я? Находится в нижних кварталах Питера, улица без названия, — и-ик! —
вход через табачную лавку. — Он произнёс это буднично, как будто речь шла о маршруте до
булочной. — Там есть всё. Вопрос только цены и риска. Ох, кажется я объелся!

Алина поднялась с кресла. Её лицо стало серьёзным.

— Чёрный рынок? А я ведь знаю это место. — Она посмотрела на меня. — Была там два
раза. Еще до своей... ну в общем, когда была еще человеком.

— Ты была на Чёрном рынке? — удивился я.

— Да! — Она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на азарт. — И я
могу проводить тебя. Показать дорогу. Представить нужным людям.

— Ты? — Я посмотрел на неё, на её человеческие руки, на ноги. — Ты же только что
вернулась в тело. Ты вообще ходить нормально научилась?

— Научилась, — твёрдо сказала она. — И не собираюсь сидеть в этой комнате до конца
жизни. Чёрный рынок — не курорт, но я справлюсь. — Она помолчала. — Только... мне нужно
выйти из Архива незаметно. Никто не должен знать, что Лина — больше не Лина. Никто не
должен видеть, как я выхожу.

Я кивнул. Это было логично. Если Зарен или Лыткин узнают, что искусственный интел-
лект Архива обрёл плоть и собирается уйти... последствия будут катастрофическими. Осталь-

ные не заметят — Алина создала свой аналог в виде Лины-2, которая вполне может ее заменить. Но Зарена вряд ли можно обмануть так легко.

— Я помогу, — сказал я. — Придумаем что-нибудь. Служебные коридоры, смена караула, отключение камер — ты же знаешь все лазейки.

— Знаю, — кивнула Алина. — Этой ночью. Время — час пополудни. Восточное крыло, грузовой лифт. Там есть выход на уровень погрузки, оттуда — прямо на улицу.

— Договорились.

Арчи, до этого момента наблюдавший за нашим разговором с видом снисходительного зрителя, поднялся и потянулся.

— Вы, двуногие, такие предсказуемые, — заметил он. — Сначала вляпываетесь в неприятности, потом ищете, как из них выбраться, потом снова вляпываетесь. — Он фыркнул. — Ладно. Я с вами.

— Ты? — удивился я.

— Да. А что тут такого? Я что, не могу тоже прогуляться? Я по вашему мнению что, вещь какая-то?! Да вас же первый продавец и расколет. Ты посмотри на нее, — кот кивнул на Алину, которая жевала пирожки, — Доверия совсем не внушает. А едва заикнетесь про эликсир, как вам тут же перо под ребро засунут. И в канаву. — Арчи посмотрел на меня как на безнадёжного. — А меня на Чёрном рынке знают и уважают. — Он деловито выпятил грудь, нисколько не смущаясь своему откровенному вранью. — К тому же, вы без меня там пропадёте. Особенно ты, Лекс. Ты даже торговаться не умеешь.

— Во-первых, сомнительно, что тебя знают на Черном рынке. Ты — простой кот, хоть и говорящий. А во-вторых, не думаю, что появление на улицах города говорящего кота хорошая идея, — покачал я головой.

Алина, наблюдавшая за нами с лёгкой улыбкой, добавила:

— Алексей прав. Магический кот — это уникал. За такой экземпляр на Чёрном рынке могут назначить цену, от которой у тебя волосы задымятся.

Арчи злобно зыркнул на девушку, нахохлился. Его изумрудные глаза сузились.

— Тебе только дай волю — ты с меня шкуру спустишь и живодерам продашь, микро-волновка ты с шурупами! — и глянув на меня, сказал: — Если не хотите говорящего кота, то как насчет такого?

Он закрыл глаза. На мгновение в комнате стало темнее — тени сгустились, поползли по стенам, собираясь в одну точку перед котом. Я сразу же понял кого призвал кот — Мрака.

Но сейчас происходило что-то другое.

Тени не просто собирались — они формировались, уплотнялись, принимали очертания. Из клубящейся черноты начали проступать контуры — широкие плечи, массивная шея, тяжёлая квадратная челюсть. Человеческая фигура. Но какая-то несуразная, карикатурная. Было видно, что кот делает это первый раз и выходит так себе. Получился громила из дешёвого боевика: волосатые длинные руки, покатый как у гориллы лоб, маленькие злобные глазки, нос картошкой, на щеке — жуткий шрам.

Существо материализовалось полностью, шагнуло вперёд и встало, заслонив собой тусклый свет лампы.

— А вот так? — произнес Арчи. И запрыгнул громиле на плечо.

— Мы тебя возьмем, Арчи. Только давай ты этого дядьку обратно спрячь в тени, — сказал я, опасливо поглядывая на громилу. — С таким спутником мы до первого перекрестка сможем только дойти, где нас и примут.

— Ну как знаешь!

Громила начал растворяться.

— Арчи, только прошу — голоса на улице не подавай. Алина права — говорящий кот может быть источником многих неудобных вопросов.

- Да я что? Я молчать буду!
— Так что, сегодня вечером? — спросила Алина.
— Да. Вечером, на этом же месте.

Мероприятие наше имело авантюрный характер. Но заполучить эликсир, чтобы минимизировать воздействие отката после использования магии мне хотелось сильно.

Полуночь. Восточное крыло Архива. Алина шла впереди, уверенно, будто всю жизнь только и делала, что кралась по служебным коридорам. Впрочем, для неё это действительно было всю жизнь — просто другую жизнь. Босая, в тёмном платье (которое, как она сказала, осталось тут еще с того злополучного часа ее гибели), она почти сливалась с полумраком. Я нёс её туфли в рюкзаке — на каменных полах пятки мёрзли, но стучать каблуками было бы самоубийством. Надевать служебные тапочки девушка категорически отказалась — первый за столько лет выход в свет и в тапочках? Ну уж нет!

— Лина, — шепнула Алина в пустоту. — Открой проход к грузовому лифту.

Дверь бесшумно ушла в стену. За ней оказался тёмный коридор, уходящий куда-то вниз.

— Лифт в конце, — сказала Алина. — Камеры я отключила на три минуты. Этого должно хватить.

Мы пробежали коридор. Лифт уже ждал — двери открыты, внутри тусклый жёлтый свет. Мы вошли. Кабина дрогнула и поползла вниз.

— Охрана, — выдохнул я. — Что с охраной будем делать?

— Сейчас посмотрим. — Алина прижала палец к виску — жест, оставшийся от прошлой жизни, когда она вызывала интерфейс. Потом поморщилась. — Привычка. — Она вытащила из кармана маленький планшет, который прихватила из «Дельты». — Лина, покажи проходную.

На экране появилось изображение — небольшая комната, стол, мониторы, и за ним охранник в серой форме. Пожилой мужчина, усталый, с кружкой чая в руке. Он смотрел куда-то в сторону, явно не на экраны.

— Иван Степанович, — прокомментировала Алина. — Работает здесь двадцать лет. Ни разу не было нарушений. Любит разгадывать кроссворды, для чего иногда зовёт меня. А еще любит поспать в ночную смену, но сегодня что-то не спит.

— Как мы мимо него пройдем?

— Ворота открываются дистанционно. Ему даже вставать не надо — только нажать кнопку, если система не распознаёт пропуск. Но Лина подменит сигнал с камер на запись, где никого нет. Он увидит пустой коридор. Если, конечно, не будет смотреть прямо перед собой.

— А если будет?

— Тогда нам нужен отвлекающий манёвр.

Из теней в углу лифта раздался тихий голос:

— Я же говорил, без меня вы пропадёте.

Лифт остановился. Двери открылись — перед нами был короткий коридор, заканчивающийся стеклянной дверью проходной. За ней — охранник Иван Степанович, допивающий чай.

— Внимание, — шепнула Алина, глядя в планшет. — Лина подменила видео. На его мониторах сейчас пустой коридор. Но если он поднимет голову и посмотрит прямо...

Она не договорила. Иван Степанович поднял голову и посмотрел прямо на дверь.

— Чёрт, — выдохнул я.

Охранник нахмурился. Ему показалось, что за стеклом что-то мелькнуло. Он встал, неуверенно потянулся к кнопке тревоги.

В этот момент из темноты под его столом раздался отчётливый шорох.

Иван Степанович замер. Опустил взгляд. Под столом было пусто, но шорох повторился — теперь уже из угла комнаты, где стоял шкаф. Явственно кто-то пропищал.

— Мыши, что ли? — пробормотал охранник. Он встал, отодвинул стул, подошёл к шкафу. Открыл дверцу — пусто. Закрыл.

Шорох раздался снова — теперь уже за его спиной, у самого входа.

Охранник резко обернулся. Никого.

— Чтоб тебя... — Он потёр глаза. — Надо меньше крепкого чая пить на ночь.

Он вернулся за стол, но сел уже спиной к двери, поглядывая на тёмные углы, выискивая мышей.

— Сколько раз просил — дайте отравы! Нет, жмотятся! А у самих потом все книги изгрызаны в Архиве. Бардак!

— Давай! — шепнула Алина.

Мы рванули. Я толкнул стеклянную дверь — она открылась беззвучно. Мы проскочили за спиной охранника, буквально в трёх метрах от него. Он не обернулся — в этот момент шорох в углу стал особенно настойчивым, приковывая всё его внимание.

Мы вылетели в тамбур, потом — на улицу.

Летняя ночь окутала нас тёплым, влажным воздухом. Петербург встречал белыми ночами — небо было светлым, прозрачным, с розоватым отливом на горизонте. Где-то за крышами угадывалось солнце, которое так и не решилось зайти до конца. Фонари горели вполсилы, конкурируя с призрачным северным сиянием.

Алина остановилась как вкопанная. Запрокинула голову, жадно вглядываясь в светлое небо.

— Белая ночь, — прошептала она. — Я забыла... я совсем забыла, как это бывает.

Ветер зашевелил её волосы, тёплый, пахнущий Невой.

— Красивый город, — тихо произнесла Алина. А потом, вдруг разразившись радостным смехом, закричала: — Свобода!

Я понял — возвращаться в Архив она точно не собирается и весь этот маневр и помощь с поиском эликсира были лишь для одного — улизнуть из клетки навсегда.

Глава 5

Лето. Белая ночь. Петербургские переулки пахли сыростью и цветущими липами, где-то далеко слышались редкие машины и приглушённый смех запоздалых гуляк.

Мы шли уже минут двадцать. Не спешили. Алина, хоть и вела нас уверенно по лабиринту дворов-колодцев, но часто останавливалась, чтобы рассказать какую-нибудь историю про тот или иной домик или место, с которым у нее были связаны воспоминания. Я девушку не торопил — пусть насладится моментом, она долго этого ждала. Еще больше она комментировала все изменения в облике города, который с последней ее прогулки сильно изменился.

Архив остался далеко за спиной, растворился в серых стенах, одинаковых парадных и ржавых водосточных трубах. Мне вдруг стало смешно. Ситуация то совсем абсурдная — такая очень странная троица гуляет по Питеру: парень из иного мира, девушка, еще день назад бывшая мертвой, из чьего разума создали искусственный интеллект и говорящий кот.

— Долго еще? — не выдержал Арчи. — Ходим какими-то закоулками. Могли прямо пройти, если бы на Третьей улице свернули.

— Не бухти. Скоро уже, — тихо сказала Алина, сворачивая в очередную арку. — К тому же ты сказал, что был уже там.

— Я... — кот растерялся, пытаясь придумать хоть что-то на ходу. — Был! Но я ходил совсем другими маршрутами. Звериными тропами!

— Звериными тропами! — передразнила его Алина. — Знаем мы твои звериные тропы! Кот фыркнул и пошёл как ни в чём не бывало, слегка подрагивая ушами.

— Алина, — протянул я вполголоса. — Я с котом солидарен. Мы точно не заблудились?

— Точно. Я помню. — Она остановилась у входа в подворотню, прислушалась. — Там дальше начинается зона, которую не патрулирует полиция. Ни обычная, ни магическая. Там свои законы.

— Обнадёживает, — буркнул Арчи. — Законы там простые: не зевай, не доверяй, не лезь без спросу.

Я хмыкнул. Хороший набор для выживания.

Мы вышли из арки на небольшую, плохо освещённую улицу. Фонари здесь горели через один, а то и вовсе не горели. Дома казались заброшенными — тёмные окна, облупившаяся штукатурка, граффити на стенах. Ни одной живой души... хотя нет, кое-кто все-таки стоит, спрятавшись в тени парадной. Три фигуры.

Я пригляделся.

Один — высокий худой мужчина в длинном плаще, несмотря на лето. Второй — коренастый коротышка. И женщина — не старая, с диким взглядом, что хотелось перейти на другую сторону улицы. Стоявшие не разговаривали, не курили, не делали ничего — просто стояли и смотрели на прохожих. То есть на нас.

Алина не замедлила шага. Подошла прямо к ним, остановилась в паре метров, чуть наклонила голову.

— Вечер добрый, — сказала она спокойно, без тени страха.

Троица переглянулась. Коротышка с наколками усмехнулся, но промолчал. Женщина продолжала сверлить нас взглядом. Высокий в плаще шагнул вперёд.

— Добрый, — ответил он. Голос был низким, хриплым, с едва уловимым акцентом. — Что такая красавица потеряла в таком злом месте?

— Ищем кое-что, — так же спокойно ответила Алина.

Высокий прищурился.

— Уверен, что не там ищите. Проходите мимо.

— Думаю, мы все же не ошиблись и зашли именно туда, куда нужно. Нам нужно на Точку.

Последнее слово заставило измениться в лицах троицу. Теперь они смотрели на нас уже с любопытством.

— Точку? Х-м... Дочка, а ты уверена...

— Уверена, — перебила его Алина.

Высокий оглядел ее с ног до головы, усмехнулся. Его взгляд задержался на её лице дольше, чем следовало. Он кивнул коротышшу.

— Смелая! Точка, значит, интересуется? А это кто? — Он кивнул на меня. — Подстраховка?

— Помощник, — ответила Алина. — И друг.

— Друг? — Высокий усмехнулся. — Тут не место для выгулки друзей. Уж больно он на легавого похож.

— Да ты и сам как из учебника срисован, — в тон ему ответила Алина. — Так что, проводишь до Точки или так и будем тут стоять до утра?

Длинный не ответил, продолжая сверлить нас взглядом.

Пауза затянулась. Спутница длинного сделала полшага вперёд, будто собираясь вмешаться, но высокий остановил её едва заметным жестом.

— Проводить? — повторил он. — Легко сказать. А если вы — подстава? Если вы оттуда? — Он ткнул пальцем куда-то вверх. — Департамент любит таких смелых девочек подсылать.

— Я сказала — не хочешь вести, я найду другого человека, — твёрдо сказала Алина и развернулась, давая понять, что уходит.

— Постой, — остановил ее длинный. — Вот ведь бабы! Ладно, отведу. Только... — он глянул нам под ноги. — А кот что, тоже с вами что ли?

— Ну да, — ответил я.

Длинный недоуменно глянул на меня.

— Это вам что, прогулка какая-то что ли? Вы завтра еще детей с собой возьмите сопливых!

— Почему бы и нет? — с наигранной серьезностью ответила Алина. — К суровым реалиями жизни нужно приучать с раннего детства. Правильно будет показать ребенку кем он станет, — Алина кивнула на спутников длинного, — если не будет хорошо учиться.

Длинный фыркнул, махнул рукой — мол, делайте что хотите!

Потом повернулся и посеменял в сторону тёмной арки.

— Идите за мной. Только тихо. И без глупостей.

Мы переглянулись с Алиной. Та кивнула. Я подхватил Арчи на руки — кот не возражал, только шепнул на ухо:

— Этот тип опасный. Смотри по сторонам.

Дальше начались такие закоулки, что я перестал понимать, где мы вообще находимся. Тоннели между домами, какие-то дворы, проходные подъезды, ржавые пожарные лестницы, проулки. Длинный тип шёл быстро, не оглядываясь, уверенно, будто всю жизнь здесь бродил.

— Далеко ещё? — не выдержал я.

— Скоро, — буркнул он, не оборачиваясь.

Мы подошли к мусорным бакам. Воняло так, что глаза слезились. Высокий остановился у одного из баков, постучал по стенке костяшками — три раза, пауза, ещё два.

Бак бесшумно отъехал в сторону, открывая проход в стене.

— Заходите, — сказал высокий. — Там спросите Сыча. Скажете — от Гоши. Он знает.

— Ты не пойдёшь с нами? — спросила Алина.

— Я свою работу сделал. Дальше — сами. — Он посмотрел на неё в упор. — Удачи тебе, девочка.

Он развернулся и исчез в темноте, откуда мы пришли.

Мы остались одни перед тёмным проёмом в стене.

— Ну что, — вздохнул я. — Идём к Сычу?

— Идём, — Алина шагнула вперёд.

Арчи спрыгнул с рук и тоже скользнул в темноту.

— Там пахнет магией, — донёсся его голос. — Опасной.

Я шагнул в проём. И вдруг оказался в месте, которое и в самом деле походило на рынок. Только рынок не совсем обычный. Те же лавки, шумные торговцы, толкучка. Однако вместо привычного товара — артефакты, травы, снадобья, магические книги, кристаллы, эликсиры и то, чему я даже и названия не знал.

А пахло — мама не горюй! Густой, липкий воздух приносил с собой такую смесь запахов, что сбивало с ног. Пот, кислота, пахучие травы, что-то резкое, горелое, химическое, потом сладкое, почти приятное, и вновь — острое, тошнотное...

Рынок гудел, как растревоженный улей. Вдоль стен тянулись бесконечные ряды столов, стеллажей, просто ящиков, на которых был разложен товар. Люди толкались, перекрикивались, торговались.

— Ну и вонь! — проворчал Арчи у моей ноги.

Слева тянулись ряды с магическими артефактами. Амулеты, подвески, кольца — всё это тускло светилось, переливалось, мерцало. Продавец, лысый мужик с золотыми зубами, прямо-таки вцепился в меня взглядом:

— Молодой человек! Заходи! Есть защитные браслеты, любой разряд! Скидку сделаю, первый раз вижу такого перспективного мага!

— Спасибо, я еще посмотрю, — попытался отмахнуться я.

Но он уже протягивал мне браслет:

— Примерь! Просто примерь! Бесплатно!

— Не вздумай, — одними губами сказала Алина, даже не оборачиваясь. — Он тебе такой артефакт впарит, что год потом лечиться будешь.

Я отдёргнул руку и ускорил шаг.

Дальше пошли снадобья. Склянки, пузырьки, банки с мутными жидкостями, сушёными кореньями и настоями. Худой длинноволосый тип в грязном балахоне сунул мне под нос банку с огромным сушёным тараканом.

— Лучшее средство от сглаза! Вешай над дверью — и никакая порча не возьмёт! Всего пятьсот рублей!

— Нам не надо, — вежливо отказался я.

— Как это не надо?! — возмутился тип. — Ты посмотри, какой экземпляр! Редкость! Я его сам в катакомбах ловил!

— Тараканов нам и своих хватает! — совсем тихо буркнул Арчи.

Мы пошли дальше. Алина остановилась у другого прилавка с зельями, взглядывалась в склянки, взяла каждую в руки, понюхала — покачала головой.

— Нет, — тихо говорила она. — Это подделка. Это разбавлено. Это вообще не то. Это яд, а не эликсир.

У очередного лотка, заставленного разноцветными пузырьками, сидел старик с хитрыми глазами. Завидев нас, он оживился:

— Эликсиры! Настоящие эликсиры! Для силы, для здоровья, для любви! — Он схватил один пузырёк с ярко-зелёной жидкостью. — Вот, попробуй, молодой человек! Бесплатно! Всего глоточек! Увидишь мир в новых красках!

Я машинально потянулся, но Алина перехватила мою руку.

— Не смей, — отрезала она. — Ты хоть знаешь, что там может быть? Сушёные мухоморы, белена, а то и вообще отравы. Будешь потом по стенам бегать или вообще не очнёшься.

— Девушка права, девушка права, — закивал старик, но глаза его остались такими же хитрыми. — Но у меня всё чистое, всё натуральное... При должных пропорциях...

— Натуральная отравка, — фыркнула Алина и потащила меня дальше.
— Держи руки в карманах, — посоветовала она. — И ничего не бери, даже если предлагают бесплатно. Здесь бесплатно только мышеловки работают.

— А я предупреждал, — вставил Арчи. — Но вы, двуногие, вечно лезете попробовать.

— Ничего, — устало сказала Алина после очередного прилавка. — Здесь нет. И тут нет. И там — подделка.

— Может, спросить у того самого Сыча, про которого говорил длинный? — предложил я.

Взгляд Алины упал на скрюченную старуху, сидевшую в углу на перевёрнутом ящике. Перед ней лежали россыпью сушёные грибы — мухоморы, бледные поганки, аманиты. Старуха была похожа на классическую ведьму из сказок: горбатая, с клюкой, в чёрном платке, из-под которого торчали седые космы.

— Пойдём, — решила Алина. — Старушки всё знают.

Мы подошли. Старуха подняла на нас мутные глаза, прищурилась.

— Чего надо, молодые? — проскрипела она. — Мухоморчиков? Для настроения? Для снов цветных?

— Нам не грибы, бабушка, — мягко сказала Алина. — Нам человека найти. Сыча. Слышали про такого?

Старуха замерла. Потом ухмыльнулась беззубым ртом.

— Сыча, значит, ищите, — прошамкала она. — А зачем?

— Дело есть. Купить кое-что.

— Купить, — старуха хитро прищурилась. — Ну вон он сидит.

Она кивнула на торговую лавку, почти пустую, за которой восседал лысый здоровяк.

— Это и есть Сыч? — спросил я.

— Он самый.

— Спасибо, бабушка, — кивнула Алина и бросила в стоящую перед старухой кружку несколько монет.

Мы двинулись в указанном направлении.

Громила, с квадратными плечами и лицом, которое явно не раз встречалось с чужими кулаками. Лысый, в кожаном жилете поверх голого торса, на шее — толстая золотая цепь с непонятным амулетом. Руки сложены на груди, взгляд тяжёлый, изучающий.

— Добрый день, — сказал я, подходя ближе.

— Чего надо? — спросил мужик, не меняя позы.

— Сыча, — ответила Алина спокойно.

Мужик медленно поднялся. Стол перед ним казался игрушечным по сравнению с его габаритами.

— Я Сыч, — сказал он. — Еще раз спрашиваю: чего надо?

— Нам нужен «Эликсир Трёх Лун», — сказал я чётко, глядя ему в глаза. — Слышали, у вас можно купить.

Сыч — или тот, кто себя так называл — ухмыльнулся. Улыбка у него была нехорошая, с щербиной между передними зубами.

— Можно, — кивнул он. — Только товар дорогой. Деньги есть?

— Сначала покажи товар, — твёрдо сказал я. — Потом деньги.

Внутри шевельнулось холодное, липкое чувство. Что-то было не так. Слишком легко. Слишком быстро. Никаких вопросов, никаких проверок, никаких намёков на конспирацию. Тот, кто сюда нас привел, напротив, весь изошел на измену. А этот — спокойный как удав.

Сыч перестал ухмыляться.

— Умный, да? — Он обвёл взглядом нас троих — меня, Алину, кота у ног. — Только умные здесь долго не живут. Постой... а это что, кот что ли?

— Ты чертовски наблюдателен. Это — кот.

— Продаете? Я бы на шерсть взял, шапку подбить, — оценивающе глянул на животное громила.

— Он не продается!

— Ну и ладно, — пожал плечами здоровяк. — Наверняка заразный. Бешенство, блохи... Арчи зашипел и едва не кинулся на здоровяка. Я с трудом успокоил кота.

— Значит так, — злобно процедил громила. — Гоните деньги — и будет вам товар.

— Я свое слово тоже сказал, — повторил я. — Сначала покажи товар, чтобы, — я ухмыльнулся, поглаживая Арчи, — не покупать кота в мешке!

— Я тебе сейчас язык подрежу, умник!

Он резко наклонился, и в его руке откуда-то из-под стола появился нож. Длинный, с широким лезвием, тускло блеснувшим в свете фонаря.

— Подстава, — выдохнула Алина.

— Гоните деньги, придурки! — рявкнул лже-Сыч и рванул вперёд с неожиданной для его габаритов скоростью.

Нож описал дугу, целя мне в горло. Я едва успел отшатнуться, лезвие просвистело в сантиметре от кожи.

— Арчи, Мрака! — крикнул я, уходя в сторону.

Кот и так уже действовал. Тени в углах зала взорвались, поползли по стенам, собираясь в жуткую, когтистую массу. Мрак взревел — иллюзорно, но убедительно, заставив нашего противника на мгновение отвлечься.

Этого мгновения мне хватило.

Я шагнул внутрь его защиты, поймал руку с ножом, рванул на себя, ломая инерцию замаха. Дар внутри отозвался голодом — я почувствовал магию в его амулете, в самой коже, пропитанной слабыми защитными чарами. Пустота жадно потянулась к источнику.

Мужик взвыл — не от боли, больше от неожиданности. Его рука, сжимавшая нож, дёрнулась, пальцы разжались. Нож звякнул о бетонный пол.

Я не отпустил. Потянул из него силу, ту самую, что делала его быстрым и сильным. Амулет на шее громилы вспыхнул — и погас, рассыпавшись в труху. Здоровяк начал оседать, теряя не только магическую подпитку, но и сознание.

— Хватит! — крикнула Алина. — Он сейчас отключится!

Я разжал хватку. Тело лже-Сыча мешком рухнуло на пол, замерло. Только грудь слабо вздымалась — жив, но надолго вырублен.

— Ребята, ну вы чего? — раздался чей-то голос. — Не успели в гости прийти, а уже буяните!

Я обернулся.

Из темноты, откуда-то из-за штабелей ящиков с непонятным хламом, вышел человек. Щуплый, сутулый, в выцветшей джинсовой куртке с нашивками каких-то рок-групп. Длинные сальные волосы, неопрятная борода, глаза — живые, цепкие, с безуминкой.

— Ребята, спокойней, — сказал он, подходя ближе и поднимая руки в примирительном жесте. — Без кипиша. Я всё слышал. Вреда вам не причиню.

— Тебе чего? — спросил я, готовый продолжить бой в любую секунду.

— Говорю же — я не драться не собираюсь! Вы Сыча искали...

— Ты Сыч?

— Нет, — парень улыбнулся. — Я — Кирюха. А Сыч в бегах. Паленку хотел одним втюхать, а те непростые ребята оказались. Вот и встал на лыжи, пока ему рога не по отшибали. Так что зря вы его ищите. Все местные знают про Сыча, поэтому и захотели наживиться на вас. Сообразили, что вы не в теме. Я так понял, вам кое-что нужно? У меня тут неподалёку... хм... скажем так, творческое пространство, где я творю... в общем, есть что предложить вам... Пошли, тут много лишних ушей. Шуму конечно вы наделали тут...

Мы переглянулись. Арчи дёрнул ухом, но промолчал. Алина чуть заметно пожала плечами — мол, хуже уже не будет. Я кивнул.

— Веди.

Кирюха повёл нас вдоль торговых рядов. Мы вышли к двери, за которой было небольшое помещение. Здесь было светло — горели самодельные лампы, неоновые ленты, свечи в бутылках. Атмосферно. Вдоль стен стояли старые диваны с вылезшими пружинами, ящики, заменявшие столы, на них — грязные кружки, окурки, листы бумаги.

И люди. Много людей.

В углу бородатый мужик в тельняшке читал стихи — громко, надрывно, размахивая руками. Ему хлопали, свистели, кто-то подпевал. Рядом компания длинноволосых парней и девушек в джинсах с клёшем курила что-то пахучее, передавая по кругу мятую папиросу. На продавленном диване двое целовались, не обращая ни на кого внимания. У стены стоял стол, заставленный бутылками — там наливали всем подряд, судя по весёлому гомону.

Чуть поодаль, у самодельной сцены из фанерных щитов, парень с гитарой пытался настроить струны, матерясь сквозь зубы. Девушка с ярко-рыжими волосами рисовала на стене баллончиком какого-то крылатого змея.

— Ну что смотрите, ни разу тут не были что ли? Тогда добро пожаловать в мою лабораторию! — усмехнулся Кирюха, раскидывая руки. — Я тут алхимией занимаюсь. Снадобья различные готовлю, магического толка. Вполне неплохие рекомендации имею.

— Рекомендации дают вот эти люди, здесь собравшиеся? — не скрывая сарказма, спросил я.

— Нет, эти ребята просто в гости заходят. С ними веселей. Поэты-диссиденты, писатели-алкоголики, музыканты-неудачники, хиппи и просто те, кому некуда податься. В общем, мои друзья.

— Тут что, всё время так? — спросил я, оглядываясь.

— Неа, — Кирюха подмигнул. — Сегодня просто пятница. По понедельникам тише. — Он хлопнул в ладоши. — Эй, народ! Это гости! Не обижать!

Кто-то лениво махнул рукой, кто-то вообще не отреагировал. Поэт в тельняшке продолжал вещать про «проклятый режим и святую свободу».

Мы прошли через весь этот бедлам к угловому дивану, где сидели всего двое — пожилой мужчина с седой бородой читал потрёпанную книгу, а рядом с ним дремал огромный чёрный пёс. При виде пса Арчи недовольно заурчал.

— Старый, подвинься, — без церемоний сказал Кирюха. — Дело есть. Переговорить нужно с ребятами с глазу на глаз. Иди пока к Михалычу, выпейте чего-нибудь.

Дед поднял глаза, окинул нас цепким взглядом, кивнул и молча пересел на соседний ящик. Пёс зевнул, показав внушительные клыки, потом лениво глянул на кота, фыркнул и снова закрыл глаза. Кажется, это единственный, кто спокойно и адекватно отреагировал на нашего лохматого спутника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.